

Екатерина Риз

Тебе назло

*Серия «Город».
Книга 3*

Екатерина Риз

Тебе назло. Серия «Город». Книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24390996

ISBN 9785448530975

Аннотация

Он много лет говорил ей, что их отношения невозможны, что у них нет будущего. А она всё равно любила. Даже когда сама этого уже не хотела, идя на поводу у своих обид. Было столько причин разлюбить, больше того – возненавидеть, но никакие обиды не могут заставить забыть человека, который понимает тебя, как никто. И которого ты понимаешь, и поэтому прощаешь его и продолжаешь ждать. Чуда...

Содержание

1	5
2	32
3	61
4	107
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Тебе назло
Серия «Город». Книга 3

Екатерина Риз

© Екатерина Риз, 2017

ISBN 978-5-4485-3097-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Ну, вот и дома.

Я глаза от экрана телефона подняла, посмотрела на затылок водителя, а когда смысл его слов до меня дошёл, в окно глянула. И в душе всё-таки что-то дрогнуло. На самом деле дома, родной город. Меня здесь больше полугода не было.

Сглотнула немного нервно, хотя ничего катастрофического или неприятного мне не предстояло, я просто ехала домой – к отцу, к Нике, к Фае и Тосе, к маленькому Ваньке. Они меня ждут, это будет радостная встреча.

– Василис, в Яблоневку?

Я призадумалась. Яблоневка – небольшая деревушка на окраине города, которая в последние годы значительно разрослась и приобрела солидный вид. В основном благодаря моему папке, который года четыре назад вздумал там построить дом для своей семьи. А так, как Кирилл Филин, личность в нашем городе весьма заметная, вслед за ним в Яблоневку потянулись другие обеспеченные люди. И вот сейчас, спустя каких-то три-четыре года, деревня преобразилась. Покосившиеся от времени домишки вместе с местными жителями, палисадниками и огородами исчезли, и на их месте появились коттеджи в два-три этажа, за высокими заборами и коваными воротами. Подстриженные газоны и кусты и выpestованные руками наёмных садовников цветы на клумбах

радовали глаз. И всё бы ничего, и за проживающих здесь людей можно было бы порадоваться, вот только камеры наблюдения на каждом столбе и сучке, толпы охраны и настоящее КПП на въезде в посёлок, заставляло усомниться в том, что за двухметровыми заборами все безоглядно счастливы. Я-то точно знаю, что это не так. Порой деньги создают намного больше проблем, чем могли бы решить.

– Нет, давайте проедем по центру города. Я хочу посмотреть на гостиницу.

Вышколенный водитель коротко кивнул.

– Хорошо.

Я выключила телефон и убрала его в сумку. Если честно, меня слегка потрясывало. Смотрела по сторонам, на знакомые улицы, и дышала глубоко, впитывая в себя то, что видела. Это особенные ощущения, когда возвращаешься в город своего детства. Сразу столько воспоминаний просыпается, начинаешь вспоминать, о чём думал, когда уезжал, о чём мечтал, и анализируешь – с победой ты возвращаешься или с поражением. У меня пока ответа не находилось. Для начала нужно войти под крышу отцовского дома, увидеть всё своими глазами, и тогда пойму. Но уже сейчас нервно сцепила пальцы, в нехорошем предчувствии. На себя не надеялась, если честно.

В Москву я уехала три года назад. Бросила местный ВУЗ и поступила в Московский Государственный институт индустрии туризма. Папка с Никой как раз открыли туристиче-

ский центр, который нашему старинному русскому городу нужен был, как воздух. Всё-таки не зря нас называют жемужиной Золотого кольца, туристов у нас всегда в избытке, как соотечественников, так и иностранцев, а вот собрать всех воедино, организовать их культурную программу, проживание и досуг, чтобы всё работало, как хорошо отлаженный механизм, никак не получалось. Конечно, до тех пор, пока Филин за это дело не взялся со всей своей энергией. Точнее, я-то знаю, что генератор идей – Ника, его жена, но она умела всё устроить так, что папка загорался её задумками, и тогда уже шёл лбом стены пробивать, чтобы замыслы жены осуществить. И теперь, в доказательство достигнутого, в самом центре города высился огромный туристический комплекс, который как спрут, с огромной скоростью, протягивал свои щупальца по всей стране. Даже в столице открылось два филиала, где можно было заказать экскурсию по Золотому кольцу – на любой вкус и толщину кошелька. Ясное дело, что мне нужно было получить должное образование, профессию, связанную с туризмом, ведь папа возлагал на меня огромные надежды. Он очень любил об этом говорить, а я неизменно кивала и улыбалась в ответ на все его речи. Вот только в Москву я не просто уехала, согласившись бросить факультет иностранных языков в местном ВУЗе, на который меня Фая очень удачно определила после окончания школы, в Москву я сбежала, но об этом никто не знал. Никто, кроме одного человека. Которому абсолютно наплевать на то,

что он меня к этому практически принудил, заставил бросить семью, туристический комплекс, все его дела и проекты, которыми я в свои девятнадцать лет, просто заболела. Я на самом деле увлеклась, теперь уже семейным бизнесом. И, наверное, это меня держало в Москве, заставляло учиться, с жадностью впитывать в себя всё новое и строить планы на будущее. Это я сейчас о бизнесе, а не о личном. Хотя, устроилась я в столице очень даже неплохо, папа снимал мне квартиру, оплачивал домработницу, и даже водителя, потому что искренне верил в то, что водить машину мне не дано. Я пока на уроки вождения ходила, две машины испортила (страшное слово «разбила» в нашей семье произносить было категорически запрещено), и поэтому на двадцатилетие мне подарили «мерседес» представительского класса, чтобы я не переживала, к которому прилагался личный водитель. Первого, кажется, звали Костик, он без конца строил мне глазки в зеркало заднего вида и за это я его не любила. Возможно, пожаловалась на это кому-то, потому что Костик исчез из моей машины также быстро, как и появился в ней, а на смену ему пришёл Пётр Викторович, серьёзный мужчина лет пятидесяти, который частенько сравнивал меня со своими дочками и коротко кивал, не споря, когда я просила его свернуть к магазину или ресторану. В общем, он мне нравился, и мы с ним прекрасно уживались вот уже больше двух лет. Пётр Викторович вообще был единственным доверенным для меня лицом в Москве, только с ним я могла

расслабиться и даже некоторые неприятности и проблемы обсудить. Он внимательно выслушивал, давал советы и всерьёз расстраивался и даже обижался, если я им не следовала. Правда, потом никогда не злорадствовал, если я по своей глупости в неприятности влипала, просто давал ещё один дельный совет, который снова пролетал мимо моих ушей. А однажды он даже с боем выпроводил одного моего назойливого поклонника, который под вечер явился под дверь моей квартиры с букетом цветов, и, кажется, всерьёз рассчитывал, что я расчувствуюсь и на его «страсть» отвечу. Если честно, парень был противный и никогда мне не нравился.

Путешествовала я тоже много. Будущая профессия к этому обязывала, папа не возражал, а Ника с Фаей хором твердили о языковой практике. Одним словом, не жизнь у меня, а малина. Сокурсники всерьёз считали меня дочкой криминального авторитета, ну на крайний случай олигарха провинциального разлива, и я с лёгкостью влилась в компанию москвичей, ни в чём им не уступая, но и не стремясь поразить. Выделяться на всеобщем фоне мне не хотелось. Хотелось спокойно доучиться, а самое главное попасть на практику в хорошую компанию, чтобы в деталях выяснить все тёмные стороны туристического бизнеса. Не в пределах Золотого кольца, а, так сказать, в европейском масштабе. Мне было интересно всё, и я уже успела обрадоваться тому, что когда-то решила уехать из родного города. А когда всё же вспоминала об истинных причинах моего отъезда, ме-

ня в первый момент бросало в жар, потом в холод, сглатывала комок, который неизменно появлялся в горле, не смотря на прошедшее время, которое, если верить старой пословице, должно лечить, и приказывала себе подумать о чём-нибудь другом. А не об этом... человеке. Если его так назвать можно.

Да был бы это человек!..

Я зажмурилась и отвернулась от Вечного огня, мимо которого мы как раз проезжали. Вот сейчас точно нельзя о нём думать и о прошлом вспоминать. Сейчас-то уже что? Я ведь не просто так приехала, сегодня я должна сказать родным, что замуж собралась. А что такого? Никита – отличный парень. Мы вместе уже год, а за это лето пол Европы вместе объехали, с ним приятно и легко, а то, что ровесник... Кто сказал, что это плохо? Мы вместе учимся, взрослеем, наблюдая друг за другом, вот и жить будем вместе. И родители у него... В общем, папка должен быть доволен. Никита купил мне кольцо, и не какой-то новодел, уже знает, что я терпеть не могу «новоиспечённые» драгоценности. И когда я это чудо в его руках увидела... платина и великолепный изумруд старой огранки, просто пропала. Так на душе тепло стало, поняла, что Никита хорошо меня знает, и прежде чем являться ко мне с кольцом и букетом цветов, наверняка с родителями всё хорошенько обсудил и благословение получил. И пусть из его головы до конца ещё ветер не выветрился, но я-то про себя знаю, что уже давно не та влюбчивая лёгкая

девочка, которой была лет пять назад, и родители не знали, как со мной сладить. Ещё в мои шестнадцать папа просил не спешить и не высказывать замуж за очередную мою «великую» любовь, по крайней мере, до того, пока в институт не поступлю. А сейчас удивляется, что я, в свои двадцать три всё ещё свободна, и, кажется, меня это совершенно не тяготит и не смущает. Вот сегодня я ему новость и сообщу. Даже интересно, как он отреагирует. Порадуется ли?

Пусть порадуется. И поделиться с кем надо интересной новостью, а я посмотрю, позлорадствую...

Я глаза открыла и ещё раз глубоко вздохнула. Родной город, что ли, так действует?

Автомобиль остановился, я в окно посмотрела и невольно улыбнулась.

– Красавица.

Пётр Викторович на водительском сидении влоботорота развернулся, чтобы посмотреть на гостиницу, на нижних этажах которой и располагался туристический центр в купе с ресторанчиком и интернет-кафе. Голову в окно высунул, чтобы обозреть все шестнадцать этажей.

– Да уж. Она выше, что ли, стала?

Я рассмеялась.

– Да, выше, – в тон ему ответила я. – Каждый год подрастает на пару этажей. – Взялась за ручку двери. – Я ненадолго, просто хочу посмотреть... Вдруг папка здесь?

– Иди, иди. Стрекоза.

Его чуть насмешливые прозвища, которые он мне время от времени давал, всегда меня веселили и настроение поднимали. Вот и сейчас все мысли о том, о ком думать совершенно не нужно, я из головы выкинула. Из автомобиля вышла, аккуратно одёрнула платье в крупный горох, поправила широкую оборку, украшающую вырез декольте, телефон в руке сжала и, вскинув голову, как меня учила Фая, направилась к дверям гостиницы, хотя мысленно себя поправила: никаких гостиниц, отель! Если очень постараемся, то через несколько лет и до звания пятизвёздочного дотянемся.

Вслед мне оборачивались, хотя я к такой реакции давно привыкла. И дело было совсем не в моей неземной красоте, я не настолько неотразима, это скорее к мачехе моей, к Нике, вот она настоящая красавица, а я просто научилась, а точнее, меня научили себя правильно подавать. Опять же, спасибо Фая. И она же привила мне любовь к винтажным вещам. Меня просто тряссти начинает, когда я вижу платье или бельё в стиле пятидесятых-шестидесятых годов. Но это совсем не значит, что моим любимым платьям больше полувека. Слава Богу, сейчас достаточно известных дизайнеров, выпустивших коллекции винтажной одежды. Я обожаю платья с пышными юбками, шёлковые блузки с воротом-бантом, изысканная, но в то же время не вызывающая вещь, «для скромниц», как однажды посмеялся папка, и смеялся как раз до того момента, пока я к окну не подошла, и лёгкая ткань не стала почти прозрачной. Мужчины, как один, от такого

фокуса дар речи теряли. А уж винтажное нижнее бельё, корсеты, пояса для чулок и сами чулки со швом – это соблазн в открытом виде. Некоторые скажут, что я специально так одеваюсь, не поверят в мою природную скромность, и я с ними спорить не буду. Есть, конечно, во всём этом доля провокации, но прежде всего я люблю винтаж, и получаю истинное удовольствие от покупок, а открывая по утрам свой гардероб, чувствую настоящий азарт, продумывая свой наряд. И к чужим взглядам я привыкла, и если в Москве сразить кого-то намного сложнее, то в своём родном городе, появляясь на улице, я привлекаю к себе внимание всех вокруг. И мужские взгляды, от мала до велика, мне обеспечены. А я не возражаю, пусть смотрят, я не стеснительная. Вот чего нет, того нет.

У дверей курили два паренька, о чём-то оживлённо беседовали, а когда меня увидели, замолчали. За пару шагов до них я широко улыбнулась, и уже через две секунды один из них распахнул передо мной стеклянную дверь.

– Спасибо, – пропела я негромко и вошла в прохладный холл. Охрана как по команде шагнула мне навстречу, разублались.

– Добрый день, Василиса Аркадьевна.

– Добрый, – ответила я, оглядываясь, а про себя добавила, что пора снова привыкать к своему имени. Это ведь в Москве я просто Ася Плетнёва, там никто не знает, кроме Петра Викторовича, конечно, про дурацкое имя Василиса,

и фамилией я там пользуюсь настоящей, которую мне родной папочка подарил, причём, это единственное, что он мне подарил за двадцать три года моей жизни. А вернувшись домой я сразу стала Василисой Филин, любимой, пусть и приёмной дочкой, того самого Филина. И только жители нашего города и области могли мгновенно понять, почему Филин – тот самый, и почему не стоит попусту трепать его имя по углам. Он этого очень не любит.

Я по очереди посмотрела на ребят в строгих чёрных костюмах, оценила их высокие, спортивные фигуры, обратила внимание на качество костюмов, снова улыбнулась и мило поинтересовалась:

– Папа здесь?

Мне глупо заулыбались, взглядами ощупали, но не нахальными, а любопытными, впитывали в себя мой облик, а после опомнились и чуть хрипло сообщили, что хозяин отбыл около часа назад, домой.

– Домой, значит... – Я быстрым взглядом окинула холл, заметила группу японцев у ресепшена, и задала ещё один вопрос. – А Завьялов?

– Геннадий Михайлович был утром и уехал.

– Все разъехались...

– Все вас встречают, наверное.

Я посмотрела на ребят, вот только улыбку вернуть не удалось.

– Очень в этом сомневаюсь. Что все.

На этот раз дверь передо мной распахнул один из охранников, я с ним не попрощалась, я к этому моменту вообще забыла обо всех особях мужского пола, с которыми встрети-лась в последние десять минут, а подумала о том, что пора бы двери поменять, поставить на фотоэлементах.

– Ну что, теперь в Яблоневку?

Я села в машину и захлопнула дверь, откинулась на сиде-нии.

– Да. Домой.

Мы проехали через центр города, я отрешённо смотре-ла на церкви и соборы, которых у нас в избытке, рада была их видеть, как родных и близких людей, всё-таки я рядом с ними выросла, но предательское волнение уже выбралось из дальних уголков моей души и заслонило все остальные чувства. Всерьёз переживала. Я ведь не уеду отсюда завтра или через пару дней, у меня каникулы и остаться придётся минимум на месяц. Иначе отец, не дай бог, забеспокоится и решит влезть в мою личную московскую жизнь, а мечтать о том, что у него это выйдет аккуратно и для меня без по-терь, бессмысленно, папка так просто не умеет. Так что, этот месяц мне нужно будет как-то выживать. Хорошо хоть че-рез несколько дней Никита приедет. Очень надеюсь, что это сгладит острые углы. Ведь начнутся знакомства, разговоры о подготовке свадьбы, обсуждение планов на будущее. Мне просто некогда будет думать о лишних, посторонних для ме-ня вещах.

– Ты точно справишься без меня?

Я очнулась от своих мыслей, подняла глаза к зеркалу заднего вида, в которое Пётр Викторович поглядывал, и встретила с ним взглядом.

– Хочешь, я останусь. Я могу, честно.

Я понимающе улыбнулась.

– Я точно справлюсь. А у вас отпуск, вот и наслаждайтесь. – Он не ответил, но насупился и нервно повёл шеей. А я его по плечу похлопала. – Всё будет хорошо. Это ведь так интересно – круиз по Волге. Вам понравится, вот увидите. Настоящее путешествие. Считайте, что ещё один медовый месяц.

– Вот этого я и боюсь. Что если не выйдет медового месяца, куда я денусь с подводной лодки?

Я рассмеялась.

– Всё получится.

– Я уже не в том возрасте, стрекоза, чтобы двадцать один день наслаждаться обществом любимой жены и больше ничем.

– Вот сейчас мне стало грустно. Так я перестану верить в будущее!

Пётр Викторович хмыкнул.

До Яблоневки мы доехали за двадцать минут, после московских пробок, свободные дороги казались счастьем. Я поглядывала по сторонам, а когда автомобиль свернул под указатель «Яблоневка. Въезд по пропускам», окно приоткры-

ла и вдохнула полной грудью чистый воздух соснового бора. Оживлённая магистраль осталась позади, и теперь только шумевшие сосны и радующая глаз зелень. Всё-таки, папка знал, что брать, место для дома выбрал, что надо. С одной стороны сосновый бор, с другой яблоневый сад, старый, правда, почти одичавший, зато сейчас прекрасно плодоносивший, а с посёлком рядом ещё и озеро. Кругом чистота, порядок, скоро уже тропки в бору будут гравием посыпать. И грибы подсаживать, исключительно белые и подосиновики. Наш сосед, дядя Боря, очень любит за грибами ходить. Нарядится в старую форму камуфляжную, резиновые сапоги, корзину возьмёт и пойдёт бродить по сосновому бору. Грибы ищет. И охране, которая за ним по пятам ходит в своих тёмных костюмах, подсказывать местоположение подосиновиков и боровиков запрещает. У него азарт. Лично я всегда пугаюсь, когда он приглашает нас на картошку с грибами и сметаной, и к грибам пристально приглядываюсь, а Ника или Генка меня локтями в бок пихают. Но я разве виновата, что боюсь? Я вообще считаю, что самые надёжные грибы – это шампиньоны из магазина.

К чему я про грибы вспомнила? Наверное, потому, что уже через несколько минут мы подъедем к дому, и всё начнётся. И я нервничаю. Прошлый мой визит принёс много неприятностей, вот поэтому сейчас сердце и скачет, как сумасшедшее. Не знаю, как я переживу эти каникулы, я с ума сойду, честно...

Высокие ворота открылись, пропуская автомобиль на территорию дома, а как только мы въехали, почти сразу закрылись. Я из машины вышла, окинула быстрым взглядом подстриженные газоны, аккуратные клумбы, странные скульптуры, которые появились тут и там, а когда услышала детский крик, повернулась и поймала подбежавшего Ваньку.

– Приехала!

Я рассмеялась, вгляделась в его счастливое личико, пальцем потёрла щёку, стирая пятнышко от шоколада, потом наклонилась к мальчику и руками его обхватила, даже приподнять попробовала, но тут же сдалась.

– Какой ты тяжёлый стал, я тебя не подниму.

Ванька довольно рассмеялся, отодвинулся и важно заявил:

– Так мне уже пять!

– И правда, а я забыла, – рассмеялась я. – Где мама с папой?

Ванька меня за руку ухватил и повёл к дому.

– Там! – и рукой махнул.

Я обернулась на Петра Викторовича, который уже открывал багажник, собираясь мои чемоданы достать, и поэтому едва не споткнулась о детские машинки, расставленные прямо на нашем пути. Ванька очень мастерски между своими игрушками лавировал, а вот я чуть не шлёпнулась.

– Наконец-то! – Ника первой мне навстречу вышла, мы обнялись, но выговор я всё-таки получила. – Мы тебя ещё

вчера ждали, Кирилл изворчался весь.

– На что именно?

– На твою московскую личную жизнь.

– А-а, – многозначительно протянула я. Дошла до дивана и сразу скинула такие красивые, но такие неудобные туфли. Ванька тут же на диван влез, и руки ко мне потянул, я снова его обняла и поцеловала в вихрастую макушку. – Соскучился по мне? – Он кивнул, а я на Нику обернулась, и заговорщицки проговорила: – Надеюсь, ты папку морально подготовила?

– А должна была?

– Ника!..

– Ну что? – Она усмехнулась, сына от меня оторвала и усадила того за стол. – Доедай суп, ты мне обещал.

– Мама! – начал мальчик возмущённо, но суровая мать не сжалилась, а даже пригрозила:

– Сейчас папу позову.

Ванька голову понуро опустил, но ложку взял. А Ника ко мне повернулась.

– Он уже неделю тебя ждёт, когда ты на каникулы приедешь, от уроков отдохнуть, а ты хочешь, чтобы я его огорчила новостью, что ты вместо уроков замуж собралась?

– Почему это вместо? – Я в кресло села и ноги вытянула. Посмотрела на них. Очень красивые, между прочим, ноги, ничем не хуже, чем у Ники. – Я между ними. Кстати, а где папка?

– В кабинете, позову сейчас. Ваня, а ты ешь суп.

– Можно я лучше котлету?

Ника вздохнула совершенно несчастно.

– Ладно, ешь котлету. – Направилась к кабинету, а я Вань-ке подмигнула. Тот улыбнулся в ответ и тихо позвал:

– Фима, Фима.

Послышалось страшное сопение, из-за угла выбежал лабрадор и, виляя хвостом, кинулся к мальчику. Котлета исчезла в одну секунду, лабрадор по кличке Фима её, наверное, даже не почувствовала, не то что распробовала.

– Мама, я всё съел! – Ванька из-за стола выбежал и кинулся к стеклянным дверям, которые вели на веранду. Фима за ним побежала. А за моей спиной хлопнула дверь, и я услышала голос отца. Сразу поднялась и, позабыв про туфли, к нему кинулась, повисла у него на шее.

– Папка. – Без каблучков рядом с отцом и Генкой, который появился из кабинета вслед за хозяином, я себе совсем маленькой показалась. И Завьялова словно ненароком локтём ударила. Он сделал вид, что не заметил, но на пару шагов в сторону отошёл.

– Приехала наконец-то. – Филин меня от пола приподнял, но тут же порадовал: – По шее получишь сейчас. Телефон вчера выключила!

– Пап, я занята была.

– Да? Ещё надо выяснить чем.

– Не чем, а кем, – поправила я его, он тут же брови сдви-

нул, а я невинно улыбнулась.

– Хоть бы отца постыдилась. Я совсем не хочу ничего об этом знать.

– Да? – удивилась Ника. – А вчера меня уверял, что ты должен знать всё. Причём в деталях.

Он кинул на жену предостерегающий взгляд.

– И ты туда же.

Ника руками развела, а потом Генку по плечу стукнула, когда тот совершенно безобразным на её взгляд образом котлету на хлеб шлёпнул и потянул всё это в рот.

– Я когда-нибудь научу тебя нормально обедать? Сядь и поешь. Ты Ваньке дурной пример подаёшь.

– Не подаю, – возразил тот. От бутерброда откусил и направился к выходу. – Кирилл, я уехал.

Филин кивнул, но даже не обернулся ему вслед, а вот я обернулась. Но как только встретила отцовский взгляд, тут же улыбнулась, и снова на шее у него повисла. Прижалась к нему, и пообещала себе, что справлюсь. Просто глядя на отца и его семью, я – справлюсь. Обязательно. На них с Никой так приятно смотреть, и хоть понятно, что у них тоже всё непросто, оба люди достаточно взрывные, с характером, но ведь они нашли друг друга, и мальчишка какой прелестный получился. А ведь когда у них всё начиналось, никто бы не сказал, что они уживутся рядом, и страсть и любовь не исчезнут через некоторое время. Шесть лет прошло, и отец, кажется, на самом деле счастлив. Всё, что хотел, всё

получил. И жену-красавицу, и наследника, и дом, настоящий дом, а не ту шикарную квартиру в сто пятьдесят пустых комнат. И я за них рада, и даже пример с них собираюсь взять. У меня тоже так будет, всем назло.

Правда, отца такая перспектива, кажется, совсем не обрадовала. Если судить по тому, что он жевать перестал и устался на меня тяжёлым взглядом.

– Что?

Ника мужа по плечу погладила.

– Кирилл, спокойнее.

– Ника, подожди. – И снова на меня посмотрел, глаза опасно сузились. – Замуж?!

Я отпила из бокала воды. Плечом дёрнула.

– А что такого?

– Ника, она издевается?

– Нет. Думаю, что нет.

Я бокал поставила, очень осторожно.

– Папа, ты же сам мне говорил, что замуж пора.

– Я говорил? Я такого не говорил, не надо. Я шутил. Вась, ты шуток не понимаешь?

Я поморщилась.

– Вот только не надо «васькать», ведь знаешь, что я этого терпеть не могу.

– Не меняй тему! За кого ты замуж собралась?

– Его зовут Никита, мы учимся вместе. То есть, он на курс старше.

– Хорошо хоть не младше!

– Не знаю, таких precedентов в своей семье я не помню.

Или мама нашла себе нового молодого мужа?

Филин вилку на стол кинул, и она ударилась о край тарелки.

– Откуда я знаю?

– Кстати, съезди к матери, – не к месту вставила Ника, словно боялась забыть об этом.

Я кивнула, а папа разозлился.

– Чёрт знает что такое.

– Кирилл, мальчик из хорошей семьи.

– А ты откуда знаешь?

– Вася рассказывала.

– То есть, она тебе рассказывала, а ты мне нет?

– Папа, мы с ней подруги, она мне не мать. А Никита на самом деле из хорошей семьи. Его отец депутат.

– Очень за него рад. Особенно, за его отца-депутата.

– О Боже, – я на спинку стула откинулась, хотела спор продолжить, но с веранды появилась симпатичная девушка в довольно скромном платье, она вела за руку Ваньку, а сидящим за столом кротко улыбнулась.

– Приятного аппетита.

– Папа, я не хочу спать! – Ванька из её рук вырвался, к отцу подбежал и тот его посадил к себе на колени. А девушка остановилась неподалёку, что дало мне возможность её рассмотреть хорошенько. Хотя, ничего примечательного в ней

не было, на мой взгляд. Симпатичная, конечно, даже красивая, но ей явно не хватало какой-то изюминки, за что бы взгляд цеплялся. Правильных черт лица и ладной фигурки явно было мало, не было в ней ничего примечательного.

– Вася, это няня наша новая, – представила мне её Ника, заметив мой интерес. – Светлана.

Девушка снова улыбнулась, на этот раз именно мне, мне пришлось сделать то же самое.

– Это Василиса, старшая дочь Кирилла Александровича. Светлана с готовностью кивнула.

– Я догадалась. Очень приятно. Ваня так вас ждал.

Я протянула младшему брату руку.

– Мы с ним так договаривались, что он меня ждать будет.

– Лучше бы вы договорились, что он есть будет, – пожаловалась Ника и сына по волосам потрепала.

Ванька тут же скуксился.

– Иди со Светой, – попросил его Кирилл.

– Не хочу.

– Ваня, иди. Я скоро приду к тебе, – пообещала Ника.

Мальчик с колен отца слез и няню за руку взял.

– Опять новая няня? – спросила я.

– Она хорошая девушка, – сказала Ника. – Студентка, учится на детского психолога, а у нас подрабатывает.

Я усмехнулась.

– Да, деньги всем нужны.

– Кажется, на самом деле нужны. Я слышала, что её роди-

тели ипотеку выплачивают, а она им помогает.

– От кого слышала? – заинтересовался Филин. – От Генки, что ли?

У меня, если честно, кусок в горле встал. Кашлянула и бок с водой схватила. Но ответа на интересный вопрос так и не дождалась, Ника на мужа рукой махнула, тот хмыкнул, и ко мне свой взор вернул.

– Так что там с сыном депутата?

Я руку к груди приложила, стараясь дыхание восстановить.

– Всё с ним в порядке, папа, – чуть сдавленно проговорила я. – Приедет через несколько дней, и познакомитесь. – Протянула отцу свою правую руку, демонстрируя кольцо. – Вот, подарил.

Филин только наклонился, чтобы получше подарок рассмотреть, а Ника меня за руку схватила.

– Ух ты, неплохо.

– Вот и я так думаю, – согласилась я.

– Нет, на самом деле неплохо. Кирилл, это великолепный изумруд.

Филин насмешливо скривился.

– Я с профессионалами не спорю.

Я тоже на кольцо посмотрела, но прежнего восторга уже не ощутила. И сама на себя разозлилась. Опять начинается?

– Ну что ж, посмотрим на твоего жениха. А потом уже подумаем – быть свадьбе или нет.

Я послушно улыбнулась в ответ на отцовское предостережение, а вскоре из-за стола вышла, пошла в свою комнату, чтобы вещи разобрать. Прошла мимо детской, не удержалась и заглянула. Света сидела у детской кровати и вслух читала Ваньке какую-то историю, мало похожую на сказку. Что-то там было про воробья, который из гнезда вывалился. Я на секунду дольше, чем следовало, взгляд на ней задержала, почувствовала странное неприятие и поспешила уйти. В комнате, у моей кровати на столбиках, стояли два больших чемодана. Сейчас я уже сама удивлялась, зачем столько вещей с собой привезла, словно у меня здесь шкаф пустой. А теперь ведь всё это разобрать надо, развесить... На кровать села и ладонью по атласному покрывалу провела. Потом на подушки упала. Уставилась на потолок в едва заметный цветочек. Такое чувство, что сердце у меня чужое, не моё, предательское какое-то. Умом понимаю, что нужно выкинуть всё из памяти, просто вычеркнуть, и заняться своей жизнью, у меня ведь такие перемены намечаются, а сердцу до этого, словно, никакого дела нет. Оно стучит. Прямо-таки барабанит, и всё не о том. Вот что с ним делать?

– Уезжаете? – Я пробежала по газону и заглянула в машину, на которой совсем недавно приехала.

Пётр Викторович что-то искал в бардачке, а когда я подошла, голову поднял и улыбнулся.

– Уезжаю. Я ведь тебе не нужен.

– Дядя Петь, ну что вы говорите? Просто я знаю, что от-

пуск пойдёт вам на пользу.

– Твои бы слова да Богу в уши, Василиса.

– Всё так и будет, – завершила я его. А после попросила: – До города меня довезёте?

– Ну вот, приехать не успела, уже в город ей понадобилось.

– Мне, правда, надо. Отвезёте?

– Конечно.

– А обратно я на такси. Ждать меня не нужно.

– И куда везти? – поинтересовался Пётр Викторович.

– На Дворянскую. Это недалеко от центра, я покажу.

– Точно тебя ждать не надо? – забеспокоился Пётр Викторович, когда спустя полчаса мы оказались на Дворянской.

Улица хоть и со значимым названием, и достаточно длинная, но дома на ней располагались сплошь старой постройки. Причём, в прямом смысле старой, столетней давности. Но это ведь один из районов Старого города!

– Не надо, – успокоила его я. – Со мной ничего не случится. Поезжайте. Хорошо вам отдохнуть.

– И тебе, стрекоза. Через месяц увидимся.

Я постояла у обочины, ждала, когда он уедет и даже рукой ему помахала. А как только машина свернула на центральную дорогу, улыбаться перестала и с трудом сглотнула. Попыталась сделать глубокий вдох, но потерпела неудачу. И чтобы хоть как-то успокоиться, достала из сумочки зеркала и посмотрела на себя. Губы облизала, причёску поправила. Легче мне от этого не стало, но, по крайней мере,

знала, что выгляжу прекрасно. Потом перешла через дорогу и направилась напрямик к тому дому, над входом которого висела неприметная вывеска, на которой значилось: «Чёртово логово». Дурацкое название, сама знаю. И ведь никто не скажет, что я придумала. Но это на самом деле было чёртово логово, даже не клуб, а заведение сомнительной паршивости, в котором танцевали стриптиз, снимали девочек и пили. Клуб, вот только паршивость была рассчитана всё-таки не на простых смертных, а на людей с деньгами, которые частенько являлись под эту скромную, почти незаметную со стороны вывеску, и здесь же, на время, теряли человеческий облик. Когда Завьялов собрался купить эту чёрную дыру, я сразу сказала, что это идея не то чтобы глупая, но жутко неправильная. На кой чёрт ему сдалось это чёртово логово? Своих недостатков не хватает, что ли, захотелось на чужие посмотреть?

К главному входу я не пошла. Прошла через незаметную калитку неподалёку, пересекла двор и толкнула дверь чёрного входа. Она оказалась открыта. Слышались голоса, но навстречу мне никто не вышел. Вот если бы я попыталась так в «Три пескаря» проникнуть, меня, наверное, уже застрелили бы. Ну, может не меня, но кого-нибудь чужого точно.

А тут я зашла, на кухню заглянула, на которой сотрудники непонятно чему радовались, кивнула всё-таки примитившим меня охранникам, у которых всё же совесть проснулась, и они слегка застыдились, с насиженных мест подня-

лись, но я уже направилась дальше по коридору, к залу, туда, где музыка играла. Попавшиеся мне в дверях молодые официантки ощупали меня удивлёнными взглядами, а я просто прошла мимо них, для начала полутёмный пустой зал оглядела, заметила Генку на его законном месте хозяина, а потом уже посмотрела на сцену, где девушки-танцовщицы репетировали. Не слишком приятное зрелище, скажу я вам, на любителя.

Я была уверена, что Завьялов заметил меня сразу, как только я вошла. Но вида не подал. Сидел в кресле с низкой спинкой, ноги вытянул, руки на животе сложил и вроде бы дремал, прищурившись. Правда, на сцену смотрел, без всякого выражения на лице. Я прошла через зал, огибая пустые столы, а когда подошла к его столику, молча села в соседнее кресло.

– Хреновая у тебя охрана. Я вошла в клуб, а никто даже не заметил.

– А чего тебя замечать? Ты дочка босса. В этом городе можешь ходить, где тебе захочется.

– Спасибо, учту.

Я смотрела на него, взгляд скользил по лицу, по строгому профилю, потом опустился ниже, а Генка, кажется, не замечал, а может, не хотел замечать моего внимания. Налил себе виски, сделал большой глоток, а сам с девочек глаз не сводил. Я тоже на них посмотрела. Нос наморщила.

– Паршивое место.

– Зато как танцуют. Посмотри, вон та, рыжая, я её из Питера сманил. Надеюсь, она отработает затраченные на неё деньги.

– Гена.

Я заметила, как в одно мгновение напряглось его лицо. Но он поднёс к губам бокал и сделал ещё один глоток. Я окончательно расстроилась и в кресле откинулась. Закинула ногу на ногу, не обратив внимания на то, что подол платья слишком высоко задрался.

– Я решила выйти замуж.

Он фыркнул в бокал, а я обиделась. Подбородок вздёрнула.

– Зря смеёшься.

– А что мне делать? Плакать?

Я губы облизала, а Завьялов кинул на меня странный взгляд.

– Что? Всерьёз ожидала, что я заплачу? Кинусь тебе в ноги... Что ещё?

– Да пошёл ты к чёрту, – шикнула я на него. – Я приехала, чтобы предупредить тебя: не подходи ко мне больше. Понял? Никита приедет на днях, и я очень надеюсь, что ты будешь тише воды, ниже травы.

– Серьёзное предупреждение. Выпить хочешь? Есть твоё любимое вино. Только не думай, что заказал специально, в ожидании твоего приезда. Просто случайность.

Он издевался. Откровенно издевался надо мной, смот-

рел зло и насмешливо, а губы презрительно кривились. Мне стало трудно дышать. Ещё как назло музыка смолкла, вместо неё послышались девичьи голоса и смех, а я вдруг испугалась, что расплачусь. Вот прямо здесь, при всех. Поднялась, очень надеюсь, что вышло грациозно. Пошла к выходу, но потом вернулась. Остановилась рядом с ним, даже наклонилась, и Генкин взгляд сам собой уткнулся в вырез моего декольте, чего я, собственно, и добивалась.

– Ты пожалеешь, Завьялов. Ты уже жалеешь, я это точно знаю. Но когда ты опомнишься, будет поздно. И ты останешься один, в этом дурацком клубе, в окружении шлюх. И сопьёшься.

Он поднял глаза к моему лицу.

– Они не шлюхи, Вась, они танцовщицы.

Мы глазами встретились.

– Ты меня слышал?

Генка головой мотнул.

– Нет.

– Да? Тогда я повторю: сопьёшься здесь в одиночестве. А я всё равно не приду.

Он рассмеялся мне в лицо, и продолжал посмеиваться, пока я к выходу шла, я прекрасно это слышала. И дверь хлопнула так, что стены этого убогого заведения ощутимо вздрогнули.

Ненавижу!

За четыре года до этого

– Вась, прекрати тянуть и рассказывай!

– Да нечего рассказывать, – сказала я, от зеркала отошла и забралась с ногами на кровать. – Ничего у меня не вышло.

– А ты всё сделала, как я говорила? – Верка на том конце провода в сомнении хмыкнула.

– А то как же! – Я даже рассердилась на подругу. – Ты же в этом деле эксперт!

– Как-то нехорошо это прозвучало...

Я на подушки откинулась и глаза закрыла. Из груди вырвался вздох со стоном.

– Вер, ну честно, не нравлюсь я ему!

– Глупости. Вот стопроцентная глупость, Вась. Лёшка ведь не идиот. И ты ему нравишься. Ты вообще нравишься всем парням, ты же знаешь.

– Может, в этом и проблема? Он, наверное, считает, что я... – Пару секунд я подбирала правильные слова. – Прости Господи. Все вокруг говорят, что я влюбляюсь с частотой раз в неделю. Даже папка так считает!

– А ты с ним поговори, объясни.

– Кому, папке?

– Лёшке!

Я приуныла.

– Вот единственное, чего я не умею, так это с парнями по душам говорить. Как я ему скажу? Знаешь, – начала я передразнивать саму себя, – что бы люди ни говорили, я совсем не такая, и вообще я сама невинность!

Верка, как последняя дура, заржала. Вот именно заржала, совершенно неприлично, и я ещё сильнее из-за этого обиделась.

– Не говори про невинность.

– Сейчас трубку брошу, – пригрозила я.

– Ладно, ладно. Но я, правда, стараюсь помочь. И не понимаю, почему у тебя с Лёшкой никак не клеится. Ходите кругами.

– Как будто мне самой это нравится, – расстроено проговорила я и телефон выключила. На подушках сползла, и руки на груди сложила. Задумалась. С Лёшкой Прохоровым у меня на самом деле не клеилось, и это, если честно, обескураживало. Ни с одним парнем до этого у меня столько проблем не было. А тут вроде сам Бог велел, как говорится: и нравимся мы друг другу, и тянет нас, а сблизиться никак не можем. Встретимся, поулыбаемся и отталкиваемся друг от друга, как воздушные шарики, разлетаемся в разные стороны. А я думать ни о ком не могу, кроме него, и это уже со стороны заметно. Ника заметила, Фая, и мало того, отец! Вот куда это годится?

Лёшку я уже почти год знаю. Учимся с ним в одном ин-

ституте, он на два года старше меня, но мы всё равно, волею судьбы, оказались в одной компании. К тому же, в нашем институте нет человека, который бы его не знал. Лёшка по натуре затейник, очень деятельный человек, с нуля создал команду КВН, сам пишет тексты, шутки, в соревнованиях по бегу участвует, не только за родной институт, но даже за город и область. И влюбилась я в него, кажется, в тот самый момент, когда впервые увидела. Высокий, спортивный, улыбка такая, что сердце поневоле замирает, и глаза голубые-голубые. Я когда помладше была, очень любила любовные романы читать, и попутно рисовала в уме мужчину своей мечты, и получался он у меня вот один в один Лёшка Прохоров. Поэтому и позабыла обо всём на свете, после встречи с ним. И на этот раз могла точно сказать, что влюбилась. По-настоящему, первый раз в своей жизни. И это совсем не было похоже на мои предыдущие частые увлечения. Я всегда была натурой влюбчивой, чем сильно расстраивала родителей и удивляла окружающих. В первый раз лет в тринадцать заявила всем, что полюбила мужчину и собираюсь за него замуж. Это был мой преподаватель английского языка, и он, помнится, всерьёз опешил, когда я ему сообщила о своих чувствах. Скрывать их я не собиралась, меня мама всегда учила, что любовь – это дар небес, и скрывать его, прятать в себе, просто грех. О своей любви кричать нужно. Я, правда, кричать не стала, но честно призналась, а потом наблюдала, как объект моей страсти тарашит на ме-

ня глаза и наливается пунцовой краснотой. Между прочим, до того случая, я понятия не имела, что мужчины могут так краснеть. В моём понимании это совсем не вязалось с представлением о настоящей мужественности, папка вот никогда не краснел, он легко находил выход из любой ситуации, даже заведомо проигрышной для него. А учитель мой покраснел, как рак, и я его тут же разлюбила. Но с того момента начала свой идеал искать. Я выросла, идеал мой тоже вырос и несколько менялся и видоизменялся, и, наверное, из-за этого мой поиск любви превратился в бег по кругу. Мне никак не удавалось дотянуться до желаемого. Мальчиков у меня было много, и не мальчиков тоже, я искренне во всех них влюблялась, разочаровываясь и вновь вспыхивая, как искра, и совсем не обращала внимания на все наставительные речи со стороны родителей. Все их слова казались мне ненужными, непонятными и попросту глупыми. Я далеко не сразу поняла, что мамины наставления о разборчивости (о которой она сама частенько забывала, надо сказать), появились из-за того, что они с отцом решили, будто я со своими ухажёрами уже не просто держусь за ручки и обмениваюсь скромными поцелуями. Когда я это поняла, в первый момент несказанно удивилась: «Откуда они это взяли?», а после и обиделась: «Значит так, да?», и из-за этой же обиды разубеждать их не стала. Так даже лучше, а то обрадуются, дома запрут, и я тогда вообще на волю никогда не выберусь. А как же я тогда встречу свой идеал?

Это спустя несколько лет, когда повзрослела, поняла, что вела себя неправильно. А уж когда Фая мне объяснила все мои ошибки, да ещё в своей любимой манере, насмешливо-ехидной, мне совсем стыдно стало, и влюбляться в каждый небесно-лазурный взор, я перестала. В какой-то момент стало грустно, жить в степенности и тоске я не привыкла, но потом встретила Лёшу, и влюбилась. И что самое удивительное, чувство моё не прошло через неделю, и даже через месяц не прошло. Весь первый курс я Прохоровым буквально болела. И самым натуральным образом млела в его присутствии, и сама краснела, когда он ко мне обращался или улыбался. Никогда за собой подобной стеснительности не наблюдала, а тут алела, как маков цвет при любой возможности. И придумать не могла, о чём мне с ним заговорить, когда мы оставались наедине. Вот ни единой мысли в голове, даже глупой. Ветер, сквозняк, как угодно можно назвать. Я только смотрела на Прохорова и мечтала о том, чтобы это никогда не кончалось. Чтобы он бесконечно смотрел на меня своими лучистыми голубыми глазами, а ещё лучше поцеловал бы. А Лёшка на это лишь дважды решился, и то каждый раз нам кто-нибудь мешал, и мы отскакивали друг от друга, а сердце у меня в груди так и прыгало, так и прыгало. И мысль о том, что вот и случилось, не покидала. Я влюбилась! По-настоящему! Даже сейчас захотелось вскочить и на кровати попрыгать от восторженных ощущений, которые меня переполняли. И поклялась себе, что сегодня

вечером, когда встречусь с Лёшей, наберусь смелости и скажу ему всё, как есть. И его попрошу честно ответить, нужна я ему или нет. Ну, невозможно дальше терпеть, жить в неизвестности, мучиться непонятно почему. И ладно я, но он тоже ведёт себя, как юнец, честное слово. Чего стесняется? Или я ему настолько нравлюсь, что он никак не может справиться с волнением? Об этом думать было приятно.

Дверь в мою комнату без стука открылась, заглянула мать, и я в первый момент поразилась её внешнему виду. Вчера она в очередной раз поменяла причёску, перекрасилась в блондинку, да ещё волосы нарастила, и теперь по дому не ходила, а порхала, подобно греческой богине Афродите, обряженная в воздушный, полупрозрачный пеньюар. Кажется, наконец, сама себе нравилась, потому что без конца оставалась у зеркала и собой любовалась. А я украдкой посмеивалась над ней. В открытую смеяться было чревато серьёзными последствиями, насмешек мама не терпела, принимала только открыто изъясняемое обожание, а её умение устраивать скандалы на пустом месте, оправдывала только её фамилия – Шаткая. Расшатывать чужую психику она очень хорошо умела. А ещё у неё было дурацкое имя, наверное, ещё более дурацкое, чем моё – Олимпиада. Иногда я думаю, что меня Василисой она назвала в отместку несправедливой судьбе. Мамочка душу отвела, а я теперь мучаюсь. Ну что это за имя для девушки – Вася?

– Вась, ты валяться долго намерена? Вообще-то, Филин

уже звонил, они тебя ждут.

– Не называй его Филином.

– А как мне его называть? – Мама дверь в мою комнату пошире открыла и одной рукой в косяк упёрлась, глядя на меня с вызовом. – Папой твоим? Или Кирюшей?

После Кирюши я откровенно скривилась и с кровати поднялась.

– Всё, я собираюсь.

– Он просил передать, что за тобой его прихвостень заедет.

– Генка? Это хорошо. Я приеду на открытие с шиком.

– Чему он тебя учит? – Олимпиада Андреевна всерьёз расстроилась. – Разве можно ребёнка так баловать?

– Кому-то нужно это делать, – легко пожала я плечами. – Ты-то об этом всегда забываешь.

– Истинные дети – это мужчины. Все силы уходят на них, пора бы уже тебе это понять.

Я дверь за матерью захлопнула, а последние её слова из головы тут же выкинула. Всё-таки, когда родная мама с тобой настолько откровенна, когда ты постоянно участвуешь, так или иначе, в её личной жизни, в какой-то момент, начиная всё осознавать, становится неловко. И хочется, чтобы мама была просто мамой. Жаль, что Олимпиаде Андреевне Шаткой, этого не понять.

Сегодня в семье моего отца знаменательное событие. Точнее, знаменательное оно для всего нашего города, а для нас

долгожданное. Отец и его жена открывают туристический центр. Выкупили гостиницу в центре города, кое-что перестроили, другое отремонтировали, модернизировали, в общем, кучу денег вбухали, даже подумать страшно сколько именно. Но зато результатом довольны, это сразу видно по их сияющим лицам. За неделю готовиться к сегодняшнему торжеству начали. Мне тоже надлежало быть в ряду любимых родственников, рядом с мэром, губернатором и какими-то шишками из Москвы. Если честно, я не горела желанием идти на открытие, просто папку расстраивать не хотелось, но мне намного интереснее будет прийти в центр завтра и посмотреть, как всё работает, начинает раскручиваться и обороты набирать. А сегодня что? Поаплодировать, наблюдая, как ленточку красную перерезают, журналистам поулыбаться и бокал шампанского выпить. Я больше волновалась из-за сегодняшнего вечера. С друзьями договорились в кафе встретиться, и там точно будет Лёша. Вот о нём я думала, а не об открытии. И платье выбирала с расчётом на это, чтобы в самое сердце поразить человека, которого люблю. И замерла потом перед зеркалом, на себя глядя, щёткой по волосам в последний раз провела, добиваясь идеальной формы, губы подкрасила, а сердце предательски сжалось. Как бы мне хотелось узнать своё будущее, совсем недалёкое. А вот хотя бы на сегодняшний вечер. Получится ли у меня всё?

У подъезда меня ждала машина. Чёрный «лексус» стоял посреди дороги, и я про себя съехидничала в адрес Завьяло-

ва: более самоуверенного типа, наверное, на свете нет, ведь есть только его дорога и больше ничья. Он у отца уже года четыре работал, я даже помню, как он появился. Молодой, самонадеянный, и такой высокий, что я в первый момент реально дар речи потеряла, глядя на него снизу вверх, как лилипут на Гулливера. Правда, надо сказать, что его бестолковая самонадеянность, которую папка из него довольно скоро выбил, место охранника получить ему не помешала. Ему тогда лет двадцать пять было, а то и меньше. Бывший десантник, окончивший школу телохранителей, он кроме как изображать из себя сторожевого пса и не умел ничего. А сейчас, поди ж ты, разъезжает на собственной машине солидной марки, и натаскивает охранников, которые порой по возрасту постарше его будут. Никто не понимал, что такого Филин в нём увидел, но спустя какой-то год Завьялов стал единственным телохранителем, которому позволялось следовать за Филином всюду, от него стало зависеть, кого к хозяину допустят ближе, чем на пушечный выстрел, Генка полностью контролировал весь штат охраны и «Три пескаря». Уж не знаю, как у него со сторожевыми навыками, но организатором он оказался толковым. А Филин никогда и ни с кем не обсуждал его действия и решения, они всё решали между собой, за закрытыми дверями, и оставалось только удивиться, что обоим не смущает разница в возрасте, всё-таки приличная, а общий язык они находят запросто. И Завьялов на передний план никогда не лез, не просил расши-

рить ему полномочия, ввести в бизнес, где бы они с Филином не появлялись, он неизменно держался за спиной хозяйина и молчал, пока его не просили говорить. Только зорким глазом по сторонам посматривал, и многие бы голову на отсечение отдали, уверенные в том, что есть кому прикрыть Филина от пули. Генка ради него под поезд ляжет. И порвёт любого. Когда Завьялов впадал в бешенство, это было почти то же самое, что и разозлённый до нельзя Филин. Единственная разница, что Завьялов срывался не так часто. Лично я была свидетелем этого кошмара лишь раз или два за все годы его службы. И то мне хватило за глаза. Когда человек такого роста и такой комплекции начинает банальным образом орать, это производит неизгладимое впечатление и запоминается надолго.

Но со мной Генка всегда был корректен, а, если честно, я была уверена, что всерьёз не воспринимал, считая малявкой. Я была лишь ещё одним объектом для проявления его трудового рвения. Иногда он приезжал за мной лично, на своей машине и вёз к пункту назначения, не интересуясь, зачем и куда я еду. Все разговоры о моих многочисленных романтических увлечениях вызывали у него ленивую усмешку, а про себя, наверное, удивлялся, какие это у младенцев влюблённости могут быть. Иногда своим равнодушием и непробиваемостью, он меня жутко злил, и мне очень хотелось его спровоцировать, показать, что мне уже давно не четырнадцать, и я повзрослела, вытянулась и даже кра-

ситься научилась, как следует, а не так, как мне когда-то нравилось. Когда знала, что моим шофёром в этот день работает он, намеренно надевала свои самые вызывающие наряды, мини-юбки, кофточки, открывая вырез декольте, а Генка хоть бы бровью когда повёл. Конечно, у него девок полно, сама слышала, как отец с Никой об этом говорили, но всё равно, с его стороны, так откровенно меня игнорировать, было просто неуважением высшей пробы. Я же стараюсь, в конце концов! Вот и сейчас даже очков тёмных не снял, хотя я специально на подъездном крыльце помедлила, чтобы он меня рассмотрел, как следует. Мне нужно было видеть мужскую реакцию, чтобы понять, угадала ли я с выбором и понравится ли Лёше моё платье, но Завьялова хоть лбом об стену стучи, он разве скажет что?

Я к машине подошла, переднюю дверцу открыла, а Генка вместо приветствия, мне сказал:

– Сзади садись.

– Почему это?

– Потому что так положено. Садись.

Я выразительно фыркнула, дверцу машины захлопнула, и села сзади. Подол платья на коленях разгладила, и вполголоса с нескрываемой язвительностью проговорила, передразнивая Генку:

– Здравствуй, Василиса, ты сегодня чудесно выглядишь.

Я прямо засмотрелся.

Завьялов усмехнулся.

– Было бы на что засматриваться.

Я всерьёз собралась ему по затылку сумочкой двинуть. Он этого заслуживал.

– Ну, ты тоже не Том Круз.

– И я скажу, что это здорово.

– Совсем в этом не уверена. – Посмотрела в окно, а потом совсем другим тоном поинтересовалась: – Как думаешь, там надолго всё затянется?

Он плечами пожал.

– Не знаю, часа три, я думаю, точно.

– Три часа! – Я даже застонала.

– Уважение прояви к семейным ценностям. Что ты сто-
нешь?

– Потому что три часа – это слишком. Я не выдержу. У меня, может, сегодня свидание, а придётся там торчать, у всех на глазах.

– Свидание? Круто.

Я посмотрела на него с презрением.

– Что бы ты понимал. Ты сам когда в последний раз на свидания ходил?

– Лет в шестнадцать?

– Тоже мне, Казанова, – разобиделась я. – Строишь из себя...

– Кого?

– Отстань от меня. И музыку включи, не хочу с тобой разговаривать.

– Как скажешь, малышка.

Но, не смотря ни на что, когда мы подъехали к гостинице, Генка проявил чудеса воспитанности, и помог мне из машины выйти. Дверь открыл и руку подал. Я даже ни на секунду не задумалась, стоит ли мне ему руку свою в ответ протягивать, и только когда его пальцы вокруг моей ладони сомкнулись, я вдруг поняла, что что-то не так. На руки наши посмотрела, а потом к Генкиному лицу глаза подняла. Вот только он на меня не смотрел. По-прежнему в тёмных очках, жвачку жевал и смотрел совсем в другую сторону, наверное, папку высматривал. А я руку поспешно отдернула, непонятно чего испугавшись. Завьялов же на это никакого внимания не обратил, наоборот, едва ощутимо приобнял меня за плечи и повёл сквозь толпу людей, не позволяя никому ко мне приблизиться.

– Как вы долго.

Я к Нике подошла и Ваньку, которого она на руках держала, поцеловала, за пухлую щёчку его ущипнула. А потом отцу улыбнулась.

– Мы же не опоздали.

– Я её полчаса ждал у подъезда, – не упустил возможности на меня наябедничать Завьялов. Я исподтишка ему кулак показала, а он усмехнулся в ответ, как мне показалось, чуть мстительно.

Через несколько минут приехала Фая, и я отошла к ней, со стороны наблюдала, как папка с Никой затевают самое

грандиозное дело в своей жизни. Я же голову наверх закинула, чтобы на гостиницу посмотреть, поглазела на огромный плакат, возвещающий об открытии туристического комплекса, растянутый на стене высокого здания, а потом на людей, собравшихся за милицейским кордоном. Милиции вообще было невероятное количество. Хотя, если исходить из количества знатных гостей, то получится человек по десять на каждого. А самый главный телохранитель в этот момент с ребёнком нянчится. Я с пакостной улыбочкой наблюдаю за тем, как Ника Завьялову Ваньку сунула, а потом не утерпела и подошла.

– А тебе идёт.

Генка ребёнка поудобнее перехватил, на меня с высоты своего роста глянул, и вот тут уже тёмные очки на кончик носа приспустил, чтобы я в полной мере смогла прочувствовать его презрительный взгляд.

– Тоже на ручки хочешь?

Я сумочку на плечо закинула.

– Помечтай.

Завьялов ко мне повернулся.

– Васька, мне кажется или ты со мной заигрываешь?

– Что?! – От неожиданности я даже покраснела, вот честно. Оставалось только подбородок гордо вздёрнуть и отойти от Генки на безопасное расстояние. Правда, перед этим всё-таки заявила: – Идиот.

Он рассмеялся мне в спину, а у меня этот смех ещё долго

в ушах звучал.

– Вась, ну ты что, обиделась? – Завьялов первым подошёл, уже после церемонии открытия, встал позади и склонился ко мне, чтобы я могла его услышать.

– Вот ещё, буду я на всяких идиотов обижаться, – проворчала я в сторону, правда, сам факт того, что он первым подошёл и заговорил об этом, отозвался в моей душе приятным теплом. Хотя, совершенно непонятно почему.

– Вот и не обижайся. Это шутка была.

– Дурацкие у тебя шутки.

– Согласен. Просто я иногда забываю, что ты уже девушка взрослая, и воспринимаешь всё по-другому. Не как раньше.

Я слегка нахмурилась.

– А как я раньше воспринимала?

– По крайней мере, смертельно не обижалась.

Я устало выдохнула.

– Я и не обиделась. Просто... С чего ты взял, что я с тобой заигрываю?

Ника на нас обернулась и шикнула, призывая к тому, что пора прислушаться к речи губернатора, а не решать личные вопросы. Мы послушно примолкли, но моего терпения хватило минуты на две, не больше. Я сделала шаг назад и снова потребовала ответа:

– С чего ты взял?

Генка на меня посмотрел, достаточно маетно, видно, я его своим любопытством достала, вынул из нагрудного кармана

пиджака очки, и на нос их водрузил, скрывая от меня выражение своих глаз.

– Мне так показалось.

– Вот именно, что показалось, – торжествующе проговорила я. – И я не заигрываю, я на тебе проверяю, как на меня мужчины реагируют.

– В смысле?

Я легко пожала плечами.

– В прямом. Вот если ты посмотришь со значением – хорошо, если очки свои дурацкие снимешь и посмотришь – супер... Правда, такого я не припомню. Ты можешь хоть иногда мне приятно сделать?

– Боже мой. – Генка, кажется, искренне впечатлился моим откровениям. – Ты сейчас это серьёзно говоришь? Я точно никогда не женюсь.

Я подхватила его под руку.

– Куда ты денешься?

Когда все, наконец, высказались и перед гостиницей начались народные гуляния, все, кто входил в когарту важных гостей, прошли внутрь и там уже расслабились, без внимания чужих глаз. Я взяла бокал шампанского, постояла рядом с папкой, пока тот с мэром, между прочим, другом семьи, обсуждал развернувшуюся рекламную компанию, за локоть его подержалась, а потом к Нике подошла. Она с Фаей разговаривала и Ваньку укачивала.

– Это совсем недалеко от города. Мы с Кириллом в вы-

ходной из Малеевки возвращались и заехали, посмотрели. Место просто отличное. Там такое озеро. И яблоневый сад.

– Где? – заинтересовалась я, и на диван рядом с ними присела.

– В Яблоневке. Я же рассказывала тебе.

Я честно попыталась вспомнить, неудачно, Ника, видимо, это поняла и недовольно прищурилась.

– Совершенно не понимаю, о чём ты в последнее время думаешь. Витаешь где-то. Я тебе недавно совсем говорила, что мы затеяли дом строить. Не хочу в квартире жить, ребёнку свежий воздух нужен.

Фая интенсивнее замахала веером.

– Как быстро женщины забывают, что их беспокоило до замужества. Ника, ты меня пугаешь, честно. – Фая поднесла сухошавую ручку к груди, поправила кулон. – Влюбилась девочка, не понимаешь?

Я глаза отвела в сторону и отпила из бокала, стойко перенося любопытный взгляд мачехи.

– Да? – Она, кажется, не поверила. А я не выдержала и фыркнула.

– Да что вы, в самом деле? Я влюбиться не могу? У меня возраст такой.

Фая с Никой переглянулись. А я рассердилась, наклонилась к ним и выразительным шёпотом проговорила:

– Я уже семь месяцев, как в него влюбилась, ясно?

– Семь? И молчала?

– Как ты могла мне не сказать?

– Да тише вы! – шикнула я на них, а в сторону отца бросила опасливый взгляд. Ещё не хватало, чтобы он насторожился и решил разобраться, о чём мы тут шепчемся. – Я же не говорю, что мы встречаемся, я сказала, что он мне нравится.

Ванька перестал вертеть в руках машинку и на меня уставился. Теперь на меня смотрели три пары одинаково непонимающих глаз. Я одним глотком допила шампанское.

– То есть, он тебе нравится уже семь месяцев, но вы не встречаетесь? Ты молча страдаешь?

– Я не страдаю.

Фая решительно покачала головой.

– Этому я её не учила.

– Вася, это ненормально.

– Почему?! – Я поправила бретельку платья. – К тому же, мы сегодня встречаемся с ним, возможно, всё выясним.

Фая посмотрела на Нику.

– Что они выяснят?

Та плечами пожала.

– Всё-таки измельчал мужик, измельчал. – Фая глазами обвела собравшихся в зале, то есть, в холле гостиницы, людей. – Я это ещё про твоих мужей говорила, Никуль, а тут вообще парадоксальный случай. Молодые люди, где порыв, где страсть? А они семь месяцев думают, выясняют что-то.

Я уже не рада была, что призналась. Посмотрела на часы.

– Я хочу уехать. Можно я поеду? – Я посмотрела умоляюще. – Меня, наверное, уже ждут.

Пока Ника раздумывала, Фая благосклонно махнула ручкой, униженной тяжёлыми перстнями.

– Езжай. И возьми его, наконец, за шкирку.

Я радостно улыбнулась.

– Постараюсь.

– Не старайся, а возьми. Ты же умеешь.

– Вот зачем ты ей это говоришь? – услышала я за своей спиной негромкий голос Ники. – С такими советами только замуж, а ей это надо? Рано ещё.

Лёгкой походкой я направилась к выходу, улыбнулась парочке знакомых, попавшихся на пути, а когда до двери оставалось всего несколько метров, почти вспорхнула. Полёт испортил Генка. Появился, как чёрт из табакерки, и глухо поинтересовался:

– Ты куда?

У меня от бессилия руки опустились.

– Я ухожу. – И тут же, как маленькая, оправдываться принялась. – Мне разрешили. Выпусти меня!

– Да иди, кто тебя держит? – А потом вдруг предложил: – Хочешь, отвезу?

Я хитро улыбнулась.

– Тоже сбежать не терпится?

Он плечами пожал, и пиджак ещё больше распахнулся на широкой груди.

Мы вместе вышли, Завьялов что-то быстро сказал охране у входа, а потом в два шага догнал меня и снова едва ощутимо за плечи приобнял, когда мы оказались среди веселящихся людей. Он уверенно шёл вперёд, и люди расступались, только поглядывали на нас с любопытством.

– Куда тебя отвезти? – спросил он, когда мы в машину сели. На этот раз дверь передо мной не открыли, Завьялов просто брелком сигнализации щёлкнул и сразу направился к водительскому месту. А я в отместку тоже переднюю дверь открыла и села. Выразительный Генкин взгляд проигнорировала, устроилась поудобнее, сумочку на колени положила и улыбнулась. Завьялов наблюдал за мной с интересом, а когда я заулыбалась, хмыкнул. – Где твоё свидание?

– Кафе «Улыбка». Знаешь, где это? – Посмотрела на него и всерьёз предупредила: – Вот только засмейся.

– Кафе «Улыбка», значит. Тебе сколько, тринадцать?

– Ну, извини, я ещё не дожила до того возраста, когда свидания в стриптиз-барах назначают. Когда будет пора, попрошу тебя всё мне об этом рассказать.

– Какая же ты вредная, Васька. Стервозности в тебе на все тридцать пять.

Я его кулаком в бок ткнула, он рассмеялся, и, наконец, повернул ключ в замке зажигания. Вырулил на дорогу, а я радио включила. Несколько раз нажала кнопку поиска, руку вовремя убрала, когда Генка хотел меня по руке ударить. Зато услышав свою любимую песню, я сразу просияла. Генка,

кажется, сдался и теперь только на дорогу смотрел и лишь иногда едва заметно морщился, слушая, как я негромко подпеваю. Песня мне на самом деле нравилась, слова я знала наизусть и с удовольствием напевала себе под нос, а потом голову повернула и стала украдкой Завьялова разглядывать. Он снова нацепил свои любимые тёмные очки, и от этого выглядел ещё серьёзнее и неприступнее. Массивный подбородок двигался, он жевал жвачку, а сильные руки сжимали руль. Я некоторое время разглядывала длинные, неожиданно красивые пальцы, и даже подпевать «Зверям» забыла. А когда опомнилась, поспешно отвернулась к окну. А про себя веселилась. Всё-таки лезет, лезет наружу моя любовь к авантюрам и безудержной влюбчивости. Вот и в Генке неожиданно увидела что-то для себя примечательное. Никогда раньше не видела, а тут вдруг засмотрелась. Ника всегда говорит, что у Завьялова поразительная черта выводить её из себя, за секунду. Они постоянно пререкались, хоть и не зло, но друг другу ни в чём не уступали, считая другого глупее себя. Но ведь не зря на Генку столько женщин засматривается. Конечно, нужно ещё сказать о том, что из себя представляют эти женщины, но кто сказал, что ему нужно что-то серьёзное? Всё-таки он ещё достаточно молод. Сколько ему? Тридцати ещё нет. А уже достаточно многого добился. И не урод. Хотя, и не красавец. Всего в Завьялове, на мой взгляд, было слишком. Слишком высокий, слишком сильный, слишком наглый. Про наглость можно сказать дважды,

он того заслуживает. И я, при своём не маленьком росте, как я считаю, метр семьдесят три, только на каблуках макушкой ему до носа достаю. А уж комплекция его как раз для охранной службы, вот меня или Нику за его спиной совсем не видно. Не в моём он вкусе, мне всегда нравились молодые люди более интеллигентной внешности, с более строгими чертами лица, голубоглазые блондины с чувственными губами, на которых смотришь и пропадаешь... Правда, губы у Завьялова тоже ничего, чётко очерченные и пухлые. Вот если бы он ещё жвачку не жевал. А то вот так начнёшь в нём плюсы искать, а они все на минусы распадаются, ей-богу. И во всём остальном он не мой идеал. Выражение лица вечно скучающее, подбородок тяжёлый, волосы русые, даже тёмно-русые. А вот на скуле очень милая родинка.

– И что вы делать будете в этом кафе? Пить молочные коктейли?

Я от неожиданности моргнула, и вдруг поняла, что уже пару минут на Завьялова смотрю, как заворожённая.

– Почему молочные?

– Ну, не знаю, я уже давно не был в кафе. С названием «Улыбка», – Генка откровенно усмехнулся.

Я села прямо и от Завьялова, наконец, отвернулась.

– Это кафе рядом с институтом, мы там обедаем. И встречаемся там же, все знают это место. А ты куда поедешь потом? – с ноткой издёвки поинтересовалась я. – В самое распутное местечко нашего города?

– Ага, в «Три пескаря».

Я сдвинула брови. Папкин ресторан я любила и когда про него говорили плохо, всерьёз огорчалась. А Генка ещё и издевается.

– Останови здесь, – попросила я, когда мы свернули к институту. – Я пешком дойду.

– Мне всё равно разворачиваться надо, сиди.

Я сжала зубы. Отсюда видела, что перед входом в кафе уже собрались мои сокурсники. И Верка там, и Лёшка Прохоров, и мне почему-то совсем не хотелось, чтобы Завьялов меня из своей машины высаживал прямо перед ними.

– Спасибо, что подвёз, – невнятно проговорила я, не спуская глаз с друзей, некоторые из которых уже заметили меня в машине и теперь посматривали с интересом.

– И который из них?

– А тебе какое дело?

– Как это? Должен же я знать, кому потом голову открывать.

– Не ровняй всех по себе, Завьялов.

А он уже снял очки и теперь смешно вытаращил на меня глаза.

– А вдруг? – А потом присмотрелся к группе молодых людей. – Хотя, дай угадаю. Самый смазливый. Вон тот, белобрысый, да?

Я презрительно фыркнула.

– Чтобы ты знал, он не белобрысый. Он блондин, причем

с голубыми глазами. Хотя, что я тебе объясняю?

– Действительно. Что мы, глаз голубых-красивых не видели? – Он совершенно нахально мне разулыбался и подмигнул, а я как последняя дура уставилась в его голубые глаза. А когда поняла, что он намеренно всё это делает, выдала язвительную улыбочку и из машины полезла.

– Это кто, охранник твоего отца? – Верка первой ко мне подошла и под руку подхватила. А сама на машину Завьялова оглянулась. Я тоже оглянулась, и покраснела, когда этот гад стекло опустил, притормозил и уставился прямо на Лёшку. Причём от улыбки на его лице и следа не осталось, свирепая такая физиономия. Так и кажется, что в следующий момент автомат достанет, как в плохом кино. Я мысленно Генку подгоняла: «Уезжай, уезжай». – Что ты так долго делала в его машине?

Я на Верку посмотрела, плечами пожала, не зная, что ответить, и чувствовала, что предательская краснота со щёк никак не сходит.

– Хочу вина белого, – проговорила я негромко, а потом глубоко вдохнула и губы в улыбке раздвинула, к ребятам подходя. – Всем привет.

С Лёшкой у нас в этот вечер никакого разговора напрямик, с признаниями, не получилось. Вино неожиданно дало мне в голову сильнее обычного, хотя выпила я всего полтора бокала, но мысли начали путаться, я смеялась дело и не в дело, и на Прохорова смотрела обожающе. Он говорил о ско-

рой поездке с институтской командой КВН в соседний областной город, рассказывал, что они придумали для выступления, а мне сказать было нечего. Ничего я в КВНе не понимала. Да я и по телевизору-то смотреть его начала только из-за Лёшки. Он знал наперечёт все команды высшей лиги, всех чемпионов за последние лет десять, с энтузиазмом рассказывал, как и что делается и сочиняется, а я вечно молчала и только глазами хлопала, не зная, что ему в ответ сказать. Или хотя бы слово какое вставить, чтобы совсем дурочкой не выглядеть. Лёшка был человеком увлечённым, у него в руках всё спорилось, он учился на бюджетном, и родители у него совсем ничем непримечательные люди: папа, кажется, мастером цеха работает на одном из наших заводов, а мама – врач-терапевт. А мне почему-то стыдно было рассказывать ему о своём родном отце, которого я навещаю пару раз в год, а ему и этого не нужно, и про маму, которая меняет мужей также дважды в год. Конечно, можно папкой похвастаться, вот им точно можно гордиться, но почему-то мне кажется, что Лёшка моей гордости не поймёт. Прохоров рассказывал, как в новогодние праздники они с отцом на турбазу ездили, на лыжах кататься, а я опять же промолчала и не сказала о том, что я после Нового года неделю провела с семьёй папки на Кипре. У него там дом, и хотя бы раз в год мы туда ездим, вот уже пять лет подряд. Мы с Прохоровым были совершенно разные, меня в институте за глаза называли «бандитской дочкой», а его «гордостью института», а меня всё равно

к нему тянуло, и дело было не только в его привлекательной внешности. И я ему тоже нравлюсь, я же вижу и чувствую, но у нас ничего не получается, и я уже начинаю понимать почему. Наверняка, нашлись доброхоты, которые объяснили ему, что со мной лучше не связываться. Лёшка сегодня даже не спросил меня про открытие туристического комплекса, хотя я отлично знаю, что интересовался этим и даже статью пообещал в институтскую газету написать. А со мной об этом не говорит, и косится теперь странно, после того, как увидел сегодня, кто меня привёз. Тип с истинно злодейской физиономией. Ну, Завьялов...

Когда расходились, из кафе вышли, и я почувствовала, что Верка меня в спину толкает.

– Подойди к нему. Ну же.

Я сделала пару шагов. Лёшка мне улыбнулся, а потом набросил мне на плечи свой пиджак.

– Спасибо, – тихо поблагодарила я и осторожно одёрнула подол облегающего платья. – Я сегодня при полном параде, нельзя было ничего лишнего с собой брать.

– Как всё прошло? – всё-таки спросил он.

– Нормально. Одни толкали умные речи, а другие аплодировали.

– Твой отец тоже говорил?

– Папка? – Я даже удивилась. – Нет, конечно, речи он говорить не умеет. Только пинки раздавать, чтобы работали быстрее. – Я рассмеялась, потому что прекрасно знала,

как Филин такое делать умеет, а вот Лёшка не рассмеялся, смотрел серьёзно, и мне неудобно стало. – Проводишь меня до стоянки такси?

Он кивнул, и мы, попрощавшись с друзьями, направились в другую сторону. Я на Лёшку поглядывала, и он в полумраке казался мне невероятно красивым. Задумчивый такой, профиль строгий, лицо одухотворённое, я была уверена, что думает он обязательно о чём-то возвышенном. Чего я могу не понять. Эта мысль всерьёз расстроила, и я от Прохорова отвернулась.

– Ты в Нижний с нами поедешь?

Я задумалась.

– Я не знаю.

– Да ладно, Василис, там здорово будет. Весело.

Вот за что я Лёшку люблю, так это за то, что он никогда не «васькает». Всегда называет меня Василисой. Я взяла его под руку.

– Я не уверена, что мне разрешат. Папа не отпускает меня за пределы города одну, только с охраной. А ехать на студенческий КВН в сопровождении телохранителей... – Я усмехнулась, стараясь разрядить обстановку.

– А тот, что тебя привёз, он тоже...

– Это начальник папкиной службы безопасности.

– Да? А он не слишком молод?

Вот тут я уже усмехнулась более презрительно.

– У него способности. Феерические.

– Ясно.

Я попыталась заглянуть ему в лицо.

– Для тебя всё это странно, да?

Он руки в карманы джинсов сунул и плечами пожал.

– Словно ты о кино рассказываешь.

Я облизала губы.

– У меня самый лучший отец на свете, это всё, что нужно знать. И никакой он не бандит. Что бы кто ни говорил. Просто... Он умеет зарабатывать деньги, а это накладывает много обязательств. Это папа так говорит. И заставляет быть внимательным и осторожным.

– Жалко, что ты не едешь.

Я глаза опустила, раздумывая, а потом пообещала:

– Я у него спрошу.

Дойдя до остановки общественного транспорта, Лёшка отвёл меня чуть в сторону от дороги, под липы, и там мы долго целовались, и у меня внутри бабочки порхали. Наконец-то дело сдвинулось с мёртвой точки. А я ведь знала, что так будет, знала! Потому что иначе никак.

Уже садясь в такси, я заметила неподалёку тёмную иномарку. Машина стояла на обочине, а как только я к такси подошла, у неё двигатель заработал. Я помедлила, приглядываясь к подозрительному автомобилю.

– Василиса, что-то не так?

Я на Лёшку посмотрела и улыбнулась, головой покачала.

– Всё в порядке. До завтра?

– Да, до завтра. – Он наклонился и быстро поцеловал меня в губы. Закрыл за мной дверь такси, а я тут же глянула в окно. Если честно, боялась, что примеченный мной автомобиль останется на месте, но он отъехал следом за моим такси. Я на сидении откинулась. Ну, Генка, шпионов за мной отправил!

Но хорошо хоть за мной, а не за Лёшкой.

– КВН? – Филин казался искренне удивлённым. На меня посмотрел с сомнением, а я невинно улыбнулась и кивнула. – С каких это пор ты интересуешься КВНом?

– Пап, я не интересуюсь, я просто пытаюсь участвовать в общественной жизни. Все едут поддерживать нашу институтскую команду. Это всего два дня. В субботу утром мы уедем, а в воскресенье вечером вернёмся. Ну, пап, – я на стол облокотилась и наклонилась к нему. Позвала с определённой интонацией: – Папа.

Он сурово сдвинул брови.

– Вась, только не ной.

Я опустилась на стул.

– Я ещё и не начинала, – расстроено проговорила я и протянула руки к Ваньке, который у отца на коленях сидел и ложкой в тарелке с яблочным пюре водил. – Иди ко мне. Иди, я тебя покормлю.

Ванька ложку облизал, а потом ко мне потянулся. Я у папки ребёнка забрала, придвинула ближе тарелку с пюре.

– Ну, можно я поеду?

– Одна – нет. – Филин из-за стола поднялся и отдал мне полотенце, которым Ваньке рот вытирал.

Я посмотрела возмущённо.

– А с кем? С взводом охраны?

– А что, разве это не круто?

– Нет, папа, уже давно не круто!

– Кирилл, ты не понимаешь, что она не просто так туда едет? У неё там любовь.

Я кинула на Нику предостерегающий взгляд.

– Что? – удивилась та. – Я помочь хочу. Нельзя ей ехать с охраной.

– И без охраны тоже нельзя. Получается, что она вообще не едет.

Я откинулась на стуле и Ваньку к себе прижала.

– Отлично, – пробормотала я себе под нос.

Завьялов в комнату вошёл, огляделся, оценивая обстановку, к разговору вроде бы и не прислушивался, а я когда его заметила, почувствовала, что надежда во мне ещё жива и даже голову поднимает. Он к столу приблизился, кофе себе налил, я на него уставилась.

– Пап, а если со мной Гена поедет, можно ещё пятнадцать человек не брать?

Завьялов застыл, не донеся чашку до рта, глаза сразу забегали, на меня посмотрел подозрительно, потом на Филина, который явно задумался.

– Куда ещё? Никуда я не поеду с ней.

Я мило улыбнулась.

– Поедешь, – кивнула я.

– Кирилл, я что, нянька?

Филин потянул себя за ухо, обернулся на жену, а Ника

согласно кивнула.

– Думаю, это отличная идея. Всего два дня, и с Генкой Вася будет в полной безопасности.

Завьялов поставил чашку на стол, так и не попробовав кофе.

– Если я сейчас уйду, можно будет считать, что этого разговора не было?

Филин покачал головой.

– Нет. Поедешь с Васькой. – По плечу его похлопал. – Всего два дня. Посмотришь КВН. Вспомнишь молодость.

Генка зло на меня уставился, а я довольная собой взялась Ваньку кормить. А позже, когда смогла поймать Завьялова одного, подошла и сразу попросила:

– Не злись на меня. Но это на самом деле лучший выход.

– Интересно, для кого?

– А что плохого? Прокатишься в Нижний, красивый город, между прочим. Погуляешь, в ресторан сходишь. Там, наверняка, тоже есть стрип-бары, – попыталась я его успокоить, но не удержалась и со смеха прыснула. – Тебе ведь не интересны студенческие вечеринки. И мы друг другу поможем. Ты папке одолжение сделаешь, а я проведу вечер в Нижнем. Без присмотра, – добавила я весомо. – Чтобы ты не подсылал за мной никого.

– И не мечтай, я с тебя глаз не спущу.

Мне захотелось его придушить, но всё равно:

– Ты один лучше, чем несколько незнакомых парней, с ко-

торыми я не смогу договориться, или вообще не поехать.

– Ты так хочешь поехать? – чуть позже спросила Ника.

Я удивилась.

– Конечно, хочу!

Она рассмеялась.

– Из-за того парня?

– Ника, он сам меня пригласил. И он мне очень нравится, он на самом деле классный.

– Это хорошо.

Я прижала к себе подушку, на Веронику посмотрела более серьёзно.

– А ты должна сделать так, чтобы папка не передумал за эти два дня. Я и так, на жертвы иду.

– Это ты о Генке?

– Ну да. Не понимаю, почему мне нельзя поехать одной. Все едут на автобусе, понимаешь, сколько людей будет? А я на машине да ещё с бугаём за спиной! И ведь папа не верит, когда я ему говорю, что Генка меня задирает.

– Он верит, но всерьёз не принимает. Даже когда я с Генкой ругаюсь, это считается нормой. Твой отец считает себя главой стаи, он старше нас всех, а мы, по его разумению, все в игрушки играем, так как молоды и неразумны.

Я откинулась на диванные подушки.

– И меня это злит, – сказала я.

– Не обращай на него внимания, – посоветовала Ника. Я не совсем представляла, как это можно сделать, попро-

сту не замечать Генку с его въедливостью, габаритами и наглостью, но делать нечего, поехать-то хочется. И радовалась я этой поездке, как ребёнок. Два следующих дня словно на крыльях летала, уговорила Верку ехать со мной на машине, а не на автобусе со всеми, нужно же мне с кем-то говорить несколько часов, что мы в дороге проведём? А с Завьяловым я разговаривать не собираюсь, он, видите ли, на меня обиделся за то, что я втянула его в свои амурные дела. Он, конечно, выразился не так, про любовь ни слова не сказал, но обозвал меня девчонкой, которая никак не вырастет.

– А что, по-твоему, я сделать должна? – заинтересовалась я тогда, а Генка противно усмехнулся.

– Вырасти. Пора бы уже. А не ездить за ним на всякую ерунду, которая тебя совершенно не интересует.

Я машину обошла, на открытую дверцу облокотилась и на Генку посмотрела. Он занимался тем, что по очереди вытаскивал из бардачка вещи, разглядывал и засовывал их обратно. Для чего он это делал – непонятно, но выглядел занятым и увлечённым.

– Вот с чего ты взял, что мне не интересно?

Он хмыкнул.

– Ты просто никогда себя со стороны не видела на всех этих студенческих сборищах. – Генка глаза на меня поднял. – В следующий раз бери с собой журналчик. Или Фаю. Я обиделась, и дверь с силой захлопнула.

– Много бы ты понимал!

Он лишь плечами пожал и вернулся к наведению порядка в бардачке. Я же направилась к подъезду, правда, оглянулась разок, так, для порядка. Не знаю, чего ждала, но Завьялов вслед мне не додумался посмотреть. А я, оказавшись в папкиной квартире, тут же к зеркалу бросилась, принялась себя разглядывать. То, что Генка упрямо повторяет, будто я девчонка и ещё не выросла, здорово раздражало. Я сама уже давно не считала себя подростком, и кроме Завьялова мне никто таких слов не говорил. А он насмешничал и издевался. Я тёмные волосы за ухо заправила, губы облизала и приняла эффектную позу. Кажется, придётся кое-кому доказать, что он ошибается.

За новым платьем я отправилась уже на следующий день, и не одна, позвала с собой Нику и Фаю. Уж они могут дать дельный совет и помогут мне избавиться от тех крох неуверенности, которые во мне зародились.

– Всё зависит от того, зачем ты туда едешь, – сказала Ника, разглядывая платья, которые я выбрала. Потом на меня взглянула вопросительно. – Зачем?

Я слегка покраснела, занервничала и попыталась придумать что-то достойное в ответ.

– А то ты сама не понимаешь, – вмешалась Фая. – Возьмём вот эти два.

– Вот эти? – Ника посмотрела в сомнении. – Это же студенческий вечер! Не знаю...

– Она же туда не ради пива и танцулек едет, а с опреде-

лённой целью!

– Вот именно, – согласилась я. – Цель у меня есть. Только мне нужно одно платье, на вечер. А туфли под него я у Ники возьму. Ты последние купила, как раз подходят по цвету.

Ника едва заметно сдвинула брови, но возражать не стала, хотя и было заметно, что ей очень хотелось. И вот в субботу я проснулась в предчувствии чего-то невероятного, было понятно, что этот день принесёт много перемен, очень надеюсь, что приятных.

Верка приехала к моему дому на такси. Завьялов уже был здесь, расхаживал взад-вперёд перед машиной и с кем-то по телефону разговаривал, вот уже минут десять. Снова выглядел недовольным и на меня посматривал с явным укором. Ехать ему не хотелось, но меня это нисколько не волновало, поэтому и на взгляды его я никак не реагировала. А вот Верка, увидев его, кивнула в знак приветствия в некоторой прострации.

– Здрасьте.

Генка на неё оглянулся и телефон, наконец, выключил.

– Не здоровайся с ним, – сказала я подруге. – Садись в машину.

Сумку с её вещами Генка положил в багажник, а когда за руль сел, на нас с Веркой, устроившихся на заднем сидении даже не взглянул. Мы выехали на дорогу, и тогда я уже громко поинтересовалась у подруги:

– Ты журналы взяла?

Верка взглянула на меня в удивлении.

– А ты просила?

– Ладно, – махнула я рукой, на Генкин стриженный затылок посмотрела, и громко и выразительно проговорила: – Я взяла «[битая ссылка] Cosmopolitan», будем читать вслух. Я вчера листала и видела там отличный тест, про парней... Вот: «Что я о нём думаю?».

[битая ссылка] Верка ко мне приблизилась и, понизив голос, спросила:

[битая ссылка] – Ты про Лёшку будешь отвечать?

Я снова глянула на затылок Завьялова.

– Конечно.

Я достала ручку, и мы принялись за дело. Каждый вопрос я с выражением читала вслух, а потом принималась рассуждать. Вот только в голове был почему-то не любимый Лёшка, а негромко посмеивающийся с водительского сидения Завьялов. Наверное, поэтому и результат получился со знаком минус. Не очень-то хорошо я думала о человеке, чьё имя крутилось в моей голове, что и не удивительно, злилась я на Генку жутко. А вот Верка, которая этого не знала, сильно удивилась в итоге. Но спрашивать ни о чём не стала, в присутствии Завьялова она отчего-то смущалась и вспыхивала, если случалось с ним взглядом встретиться в зеркале заднего вида.

– А сколько ему лет? – спросила меня подружка, когда мы остановились на заправке, и Генка из машины вышел.

– Кому? – не сразу поняла я.

А Верка пальцем на водительское место ткнула.

– А, Завьялову... – Я потёрла кончик носа. – Двадцать девять, кажется. А что?

– Ничего. Просто он симпатичный.

Я посмотрела в изумлении.

– Ты серьёзно? Генка – симпатичный?

– А ты думаешь, нет?

Я растерялась немного от её вопроса. Что я думаю?

– Я думаю, что у него гадкий характер. А я ненавижу таких мужчин. Даже если они симпатичные, как ты говоришь.

– Про характер его я ничего не знаю.

– Вот именно!

Непонятно почему, но я разозлилась на подружку. С чего она вдруг решила, что Завьялов симпатичный? Да он ни слова ей ещё не сказал, кажется, вообще старается сделать вид, что нас с Веркой в машине нет. Я уже пару часов разглядываю его бетонный затылок и сильную шею, а ему хоть бы хны, не чувствует. Руль крутит и на дорогу смотрит, а если с его стороны и слышен какой-то звук, то это непременно смех. Меня на самом деле злит, что он считает меня девчонкой, да к тому же глупой. Ведь сам сказал, что я Лёшке не пара. Видите ли, не слишком умна для Прохорова, ведь тот, можно сказать, что отличник. Можно подумать, Генка шибко умный. Только и умеет, что зазнаваться.

Приехав в Нижний Новгород, мы немного поплутали

по узким улицам, пытаюсь отыскать общежитие местного технического ВУЗа, где должны были на ночь остановиться приехавшие с визитом студенты из нашего города. Нам нужно было высадить Верку, которая ночевать тоже останется тут. А мы с Генкой в гостиницу поедem, правда, я не знаю в какую, это Завьялов решит. Подъехали мы как раз следом за автобусом, Генка вышел из машины, чтобы достать из багажника сумку с вещами подружки, а я пыталась высмотреть в толпе студентов Лёшку, а когда увидела его, выглянула в окно и рукой ему замахала. Он разулыбался и к машине подошёл, правда, на Завьялова косился с опаской.

– Привет.

Я улыбнулась шире.

– Привет.

– Нормально доехали?

– Да, всё в порядке. А вы?

Он кивнул и снова на Генку посмотрел. Руки в карманы джинсов сунул и ко мне наклонился.

– После выступления здесь праздновать будем. Ты придёшь?

– Праздновать? Уверены в победе?

– Главное, не победа, – усмехнулся он.

– Наверное, ты прав, – сказала я и посмотрела на Завьялова, который стоял в нескольких шагах от нас и курил.

– Так ты придёшь?

Уверенно кивнула.

– Конечно. – А когда Завьялов в машину сел, и мы выехали на дорогу, я ему намекнула на то, что после окончания КВНа праздник не закончится.

– Об этом мы не договаривались! – тут же начал возникать Генка, а я бессильно откинулась на сидении.

– Разве? Кажется, я тебе говорила, почему я выбрала тебя в сопровождающие!

– А я не помню, что обрадовался!

– Ой, да ладно. – Я подалась вперёд и облокотилась на спинку его сидения. – Я ненадолго. Но ты же сам понимаешь, что мне нужно там быть. Для чего-то я сюда приехала.

Он явно хотел что-то ответить, но сдержался, я только заметила, как напряглись вены на его шее, так как сидела совсем рядом, и поэтому ещё раз поразилась тому, что некоторых Бог создаёт, давая им всего с лихвой. Генкину силищу можно на троих спокойно поделить, так же, как рост, ширину плеч и глубокий голос. Хотя, голос мне его нравится, глубокий такой, с налётом ленцы и насмешливости, он только иногда начинает басить, когда злится или кто-то испытывает его терпение.

– У тебя будет час, – наконец, сказал он. А я и этому обрадовалась.

– Хорошо. Я не буду создавать тебе проблем, обещаю.

– Очень на это надеюсь.

Номера в гостинице мы сняли быстро, уже через полчаса я зашла в однокомнатный люкс, огляделась, и порадовалась

широкой кровати: не люблю узкие постели, наверное, во сне я верчусь и брыкаюсь, есть у меня такое подозрение, которое, правда, проверить я пока не смогла. До начала студенческого фестиваля оставалось чуть больше двух часов. Совсем мало для того, чтобы привести себя в порядок. Ведь надо разобрать вещи, принять ванну, наложить на лицо специальную тонизирующую маску, и за это время немного отдохнуть. А потом уже макияж, одеться, перед зеркалом покрутиться, удостовериться, что ничего не забыла и выгляжу прекрасно. Обычно, на все эти мероприятия у меня уходит не меньше четырёх часов, а тут два!

Когда я сидела в кресле с маской на лице и, можно сказать, медитировала, мечтая о сегодняшнем вечере, в дверь номера коротко постучали и почти тут же она открылась. И уже после этого я вспомнила, что её не заперла. Папка бы сейчас непременно пожурил меня: как дома, ей-богу!.. А в номер заглянул Генка, со скучающим видом, а как меня увидел, тут же рассмеялся.

– Боже ты мой. Ты так пойдёшь?

– Очень смешно, – медленно проговорила я, почти не шевеля губами, оттого, что кожу стянуло подсыхающей маской. Голову так и держала на подголовнике кресла, глаза снова закрыла, но поторопилась запахнуть полы халата, который распахнулся почти до бёдер.

– Зря. Очень, знаешь ли, выразительно.

– Господи, какие мы слова знаем. Ты чего пришёл?

– Вообще-то, обед. Мы в ресторан идём?

– Я – нет. Мне некогда.

– Будешь голодать? – Генка в номер прошёл, и дверь за собой захлопнул. Я услышала очередной смешок. – Представлю себе это свидание: он тебя целует, а у тебя от голода в животе урчит.

Я глаза открыла и поискала ими что-нибудь подходящее, чтобы в этого идиота кинуть.

– Завьялов, ты что такой злой?

– Нормальный я. Просто голодный. Пойдём в ресторан, Вась.

– Я же сказала, что не пойду. А ты иди.

Он в задумчивости хмыкнул.

– Ты тут будешь?

Я удивилась его вопросу, а после на своё лицо указала.

– А ты сам, как думаешь?

Он всё-таки улыбнулся.

– Ну ладно. Я верю.

Он к двери направился, а я в спину ему проговорила:

– Принеси мне бутерброд! И чай закажи! А лучше сок! Грейпфрутовый. Но скажи, чтобы обязательно свежавыжатый, а не из пакета! Из пакета я не пью.

Завьялов медленно повернулся ко мне, посмотрел серьёзно, размышлял о чём-то, а затем головой качнул, очень весомо так. Меня это впечатлило, и я непонимающе переспросила:

– Что?

– Да так, ничего, – проговорил он невыразительным тоном и из номера вышел.

Заказ мне принесли минут через двадцать, горничная, а не Генка, естественно, а вот когда Завьялов вновь появился в моём номере, выглядел он каким-то настороженным, словно уже морально готовил себя к неприятностям. А увидев меня, и вовсе скис, что мне совсем уж не понравилось. Я бросила на себя быстрый взгляд в зеркало, проверяя всё ли у меня на месте, на платье посмотрела, на макияж, на причёску, даже к туфлям Ники на своих ногах взгляд опустила, а когда поняла, что придраться не к чему, руку в бок упёрла.

– Что не так?

Я стерпела его взгляд. Завьялов осмотрел меня с ног до головы, но никакого проблеска удовольствия от моего внешнего вида в его глазах я не заметила. Но, в конце концов, головой качнул.

– Ничего. Пойдём? – Он открыл передо мной дверь. Я вышла, не спуская с Генки глаз, а у лифта не утерпела и всё-таки спросила:

– Как я выгляжу?

Он помедлил с ответом, но после его губы тронула улыбка.

– Ты же знаешь. Выглядишь отлично.

Завьялов был серьёзен и поэтому я его поблагодарила.

– Спасибо.

Я почувствовала душевный подъём после его слов, и когда мы шли по холлу гостиницы, заметила, что мужчины оборачиваются мне вслед, и разулыбалась. Генка дверь на улицу для меня придержал, и тихо поинтересовался:

– Тебе это нравится, да?

– Можно подумать, что кому-то не нравится.

Я на самом деле выглядела замечательно. Платье идеально подходило мне, не добавляло лет, оттеняло цвет глаз, и не кричало о том, сколько оно стоит. Всё было продумано, и к предстоящему вечеру я была готова, о Лёшке думала, так хотелось, чтобы он меня оценил, и бояться перестал. Ведь чувствовалось, что боится, хотя, наверное, я не совсем правильно выразилась, и боится он не меня, ко мне его тянет, а вот всё, что меня окружает, его настораживает. Поэтому мне так хотелось произвести на него впечатление, чтобы он понял, что я самая красивая, самая весёлая... Да вообще, очень хочется, чтобы кто-то сказал: «Ты самая-самая!...». Глупая мечта, наверное. Наивная и детская. Но и глупые мечты иногда тоже достойны того, чтобы их осуществляли.

Вот только, кажется, не в этот вечер. Не смотря на то, что Лёшка, конечно же, оценил мои старания и первая улыбка, которую он мне подарил, была достаточно глупая, какой и должна была быть, но во всём остальном мои ожидания не оправдались. Он не схватил меня за руку, чтобы показать, что я его девушка, не держался рядом, чтобы ни у кого не осталось сомнений, что это именно ему так повезло,

не представлял меня своим друзьям и знакомым из Нижнего Новгорода. Я, признаться, от такого малодушия растерялась. Никак не могла понять, что я не так сделала, почему он от меня сбежал. Села в кресло, до которого он меня проводил, натянуто улыбнулась, наблюдая за тем, как бегает его глаза, и вдруг почувствовала, что от обиды мне расплакаться хочется. Это странно, но я, при своём умении легко сходиться с людьми, общаться, со своими возможностями, в институте оказалась белой вороной, к которой все относились с настороженностью. Даже парни, самые отъявленные бабники, меня предпочитали стороной обходить. Нет, они с удовольствием болтали со мной, приглашали в кафе и в клуб, даже флиртовали помаленьку, но за целый год ни один не попытался сблизиться со мной или хотя бы на свидание пригласить. Когда в школе училась, я отбоя не знала от поклонников, и с одноклассниками встречалась, и с молодыми людьми постарше, все за мной ухаживали, и я уверена была, что в институте у меня никаких проблем не будет, а тут вдруг такое. Меня все обходили стороной, только Верка со мной дружила, да и то, ко мне домой она никогда не приходила, даже когда я её звала. И я бы не сказала, что я так сильно изменилась за последний год, но окружающие, явно, сошли с ума.

Я закинула ногу на ногу и по сторонам огляделась. Лёшка убежал за кулисы, готовится к своему выходу, а я осталась, вроде, среди своих, но в то же время одна. Люди вокруг общались, смеялись, время от времени аплодировали, подбад-

ривая квинчиков, и торопя начало выступления. Я тоже аплодировала, к разговорам прислушивалась, даже улыбнулась пару раз, когда меня всё-таки попытались втянуть во всеобщее веселье, а сама украдкой посматривала на девушек во круг, на то, как они выглядят. И склонялась к мнению, что Прохоров хоть и умный, но дурак. Или слепой. Получается, что мне ради него не стоило бегать полдня по магазинам, покупать это платье, готовиться к сегодняшнему вечеру, да и вообще ехать сюда. Никому это не нужно.

Какой-то парень пробирался по узкому проходу между сидениями, дошёл до меня и остановился, устремив взгляд на мои коленки. Я глаза на молодого человека подняла, но медлила и не меняла позу, чтобы его пропустить. Уж слишком много огня было в его взгляде, на губах расплылась улыбка, а потом ещё и подмигнул, когда смог оторваться от созерцания моих ног и поднял глаза к моему лицу.

– Привет.

Я натянуто улыбнулась.

– Привет, – сказала я в ответ, а потом всё-таки сдвинулась чуть в сторону, когда заметила за плечом паренька появившуюся хмурую глыбу. Завьялов слегка толкнул зазевавшегося молодого человека в плечо.

– Куда смотришь?

Тот испуганно оглянулся.

– Никуда.

– Вот и шагай.

Молодой человек протиснулся мимо меня и, не оглядываясь, пошёл прочь. А я на Генку снисходительно взглянула.

– Это было так ненавязчиво, – похвалила его я.

– Я старался. – Завьялов сел в соседнее со мной кресло и принялся ёрзать. – Это надолго?

– Понятия не имею.

Он, наконец, устроился поудобнее и расслабился.

– Надеюсь, это будет хотя бы смешно.

Я улыбнулась в сторону.

– Если ты будешь смеяться, разрешу тебе пригласить меня в цирк, – пообещала я, и тут же была удостоена презрительного взгляда.

– Ночами теперь спать не буду, буду мечтать об этом дне.

Я не ответила, снова ногу на ногу закинула, и почувствовала прилив энергии, когда поняла, что Генка на мои колени уставился. Хотя, если быть до конца честной, то ему больше просто смотреть некуда было. И приглашение в цирк Завьялов мне проиграл, правда, я не уверена, что буду ему об этом напоминать. Генка, как и обещал, ни разу не рассмеялся, впрочем, как и я, и сдался только в тот момент, когда на сцену вышла наша команда, и он увидел Лёшку Прохорова в роли шамана с бубном. Тот по сцене скакал, в бубен бил и проносил какой-то текст, по мне, так набор не связанных друг с другом слов. Но в зале засмеялись, а Завьялов громче всех заржал и довольно громко сообщил:

– Ё-моё, детский сад!..

На нас оглянулись, а я Генке локтём в бок заехала и тот примолк.

– Сколько раз сказано было тебе: тише надо говорить! – набросилась я на него, когда всё, наконец, закончилось. Мы поднялись и вслед за всеми потянулись к выходу. Генка на мои обвинения никак не ответил, но хмыкал весьма выразительно и глазами стрелял. А потом руку мне подал, когда я оступилась. Мы как раз оказались в центральном проходе, народа было полно и к выходу мы двигались медленно. Завьялов даже за талию меня обнял и к себе придвинул, защищая от толчков людей вокруг. Я поневоле оказалась прижата к его груди, ногами на высоких шпильках переступила и тогда уже поняла, что в этих туфлях я Генке почти до уха достаю. Но голову закинуть всё равно пришлось, чтобы в глаза ему посмотреть, и похвастала: – Смотри, какая я высокая.

Он ухмыльнулся.

– Куда деваться.

Его рука лежала на моей талии, ладонь большая, горячая, и в какой-то момент я поняла, что делаю что-то не то. С какой стати я ему в глаза смотрю, да ещё позволяю себя обнимать? Независимо повела плечами и попыталась отстраниться. Вот только ни одного лишнего сантиметра вокруг не было, кругом студенты, студенты...

– Стой спокойно, – посоветовал мне Завьялов, и я больше не стала сопротивляться, вот только глаза отвела в сторону. Но на девчонку с множеством косичек и колечком в гу-

бе, стоявшую рядом со мной, мне смотреть было неинтересно, как и на парней, громко гогочущих над своими же шутками, и я снова перевела взгляд на Завьялова, только теперь не в лицо ему смотрела. Разглядывала мощную шею, золотую цепочку, что её обвивала, ярко-синий трикотажный воротник его футболки. Поняла, что у меня во рту странно пересохло и сердце стало биться гулко и как-то неприятно, и тогда нетерпеливо глянула за своё плечо, чтобы проверить, движется вообще очередь к выходу или всем этим людям здесь нравится стоять и толкаться. Я голову повернула, а в этот момент Генка сделал шаг, и я едва не упала. Охнула, за плечи его схватилась и испуганно посмотрела, а он меня поддержал, подхватив под спину, а потом развернул лицом к двери. Что-то под нос себе пробормотал, но рук с моей талии так и не убрал. Так мы и стояли ещё несколько минут, можно сказать, что обнявшись.

На улице я некоторое время оглядывалась, выискивая взглядом своих сокурсников, потом услышала голос Верки, повернулась в ту сторону и увидела, как подружка рукой мне машет, подзывая.

– Можно я поеду с ними до общежития? – Я к Генке повернулась и посмотрела умоляюще. – Пожалуйста.

Завьялову это не понравилось, он несколько секунд колебался, но потом кивнул.

– Поезжай. Я следом поеду.

Я нахмурилась.

– Надеюсь, ты не собираешься со мной идти в общежитие?
Он неожиданно меня передразнил.

– Не собираюсь. Боюсь, этого мои нервы уже не выдержат.

Буду ждать тебя в машине.

Я радостно улыбнулась, хотела бежать к друзьям, но Генка меня за руку схватил.

– Вась, в десять ты выйдешь, и мы уедем.

Пришлось соглашаться. Но у меня было два часа времени!
Хотя, если бы Генка не вредничал, я о времени вообще бы не думала, но... Мечты, мечты!

– Ты классно выглядишь, – сказала мне Верка, когда мы с ней рядом в автобусе сели. – Правда, классно, Вась!

– Спасибо.

– Лёшка так на тебя смотрел, просто обалдел.

Я оглянулась назад, чтобы на Прохорова посмотреть.
Но тот моих взглядов не заметил, он устроился на заднем сидении, в кругу ребят из своей команды и что-то с ними обсуждал. Наверное, промахи, которые не позволили им выиграть. Меня же только одно насторожило...

– Что это за девушка с ними? Я её не видела раньше.

Верка от яблока откусила, и на сидении развернулась, чтобы посмотреть про кого я говорю, а потом повернулась обратно и легко отмахнулась.

– А, она местная, в общежитии живёт.

Меня такой ответ не устроил.

– Она и летом там живёт?

Подружка пожала плечами.

– Наверное.

Конечно, ей-то всё равно! А я ещё раз оглянулась, услышав сзади дружный смех.

И не зря я переживала, не зря! Весь вечер вышел, как один большой ком, ничего не получилось. Все вокруг веселились, обсуждали увиденное, повторяли запомнившиеся шутки, а я сидела во главе стола и наблюдала за всем этим. За всем, потому что смотреть на Лёшку, который вот уже битый час обсуждал что-то с местной жительницей, было уже попросту неприлично. Он только раз ко мне подошёл за весь вечер, приобнял, поинтересовался моим мнением об игре, а пока я пыталась придумать, что сказать, и правильно выразить свой восторг, подбежала – именно подбежала! – та самая девушка, которую, как оказалось, зовут Оксана, и запросто схватила МОЕГО Лёшку за руку, потащила куда-то за собой. Я, конечно же, пошла следом, нужно же мне было знать, что происходит. И тогда уже Прохоров меня представил, и девушка Оксана уставилась на меня, как на диво дивное, что даже обидно стало, а я в отместку выразительным взглядом окинула её потёртые джинсы, голый пупок, в котором посверкивал дешёвый камушек, и футболку, которая её без сомнения обтягивала, но я бы не сказала, что соблазнительно. И всё равно он выбрал её! Я просто поверить не могла. Наблюдала, как они разговаривают, оторваться друг от друга не могут, а у меня внутри такая тоска, и обидно до жу-

ти. Хотелось встать и в полный голос завопить: что со мной не так?! Он же ещё несколько дней назад сам уговаривал меня поехать, в глаза смотрел, так многообещающе, что у меня колени подгибались от переполнявших меня чувств, а теперь что?

Но, видимо, Лёшка всё-таки понял, что со мной что-то не так, потому что, когда я решительно из-за стола поднялась и отправилась не танцевать, а к открытому окну, подышать, уже через минуту ко мне подошёл.

– Тебе скучно, да?

Я присела на подоконник. Глаза прятала, разглядывала рисунок на его футболке. А вопрос сам слетел с языка.

– Кто она?

– Кто?

– Эта девушка. Оксана, кажется?

– А, – он рукой в сторону махнул. – Она здесь живёт. Между прочим, она пишет сценки, неплохие. Мне одна очень понравилась.

– Очень за тебя рада.

Он до меня дотронулся.

– Ты злишься, Василис?

– Да нет.

– А мне кажется, что злишься.

– Лёш, ты зачем меня сюда звал? – Я посмотрела ему в глаза.

– Я тебя звал?

После этого вопроса мне стало как-то не по себе.

– Ты. Ты сказал: «Поедем с нами в Нижний». Помнишь?

– Я думал, тебе интересно будет.

С подоконника я поднялась, и мы с Прохоровым взглядами встретились.

– Лёша, ты издеваешься?

Он улыбнулся чуть смущённо и попытался меня обнять.

– Ладно, не кипятись. Ты сегодня офигенно выглядишь, правда.

– Вот именно. И это произошло не по щелчку пальцев. А ты весь вечер сидишь с этой девочкой из общежития и что-то там с ней обсуждаешь.

– Ты всё-таки обиделась.

Я оттолкнула его руки.

– Ну тебя.

– Василиса.

– Ты же знаешь, как мне трудно, Лёш. Я не вписываюсь, – я руками обвела помещение. – И вместо того, чтобы поддержать меня, ты меня кидаешь.

– Не кидаю.

– Кидаешь. И даже не объясняешь почему.

– Вась, – он впервые так меня назвал, – но ты сама виновата, что тебя все сторонятся. Я понимаю всё, ты мне объясняла, но когда ребята видят этого... Охранника твоего, они напрягаются.

– Но я же не виновата!..

– Я понимаю. Но ты тоже должна понять. – Лёшка смотрел со значением, словно пытался объяснить что-то неразумному ребёнку, а слов не находил. – И быть проще.

Я непонимающе нахмурилась.

– Это как?

Прохоров по плечу меня погладил, потрогал рукав платья, шелковистую ткань между пальцами потёр. И я всё поняла. С трудом сглотнула.

– Я не просто так всё это делала, я для тебя это делала. Я хотела тебе понравиться.

– Василис, но мне не нужно всего этого. Просто будь самой собой, не надо так стараться.

Я внимательно вглядывалась в его лицо и думала о том, что он не понимает. Вот совсем, чистый лист.

– Я и есть такая, Лёша. Вот такая, как сейчас – я настоящая. И я хотела тебе понравиться, хотела сделать тебе приятно, чтобы ты гордился мной, – я отошла от него на шаг, чтобы он мог посмотреть на меня, – потому что я такая. Я это не раз в год делаю, не для особенного свидания. Мне нравится смотреть на себя в зеркало и видеть себя вот такой. Это глупо? Не стоит того, чтобы жизнь свою на это тратить? Возможно. Но это не тебе решать. Я такая, какая есть, и нравиться тебе должна именно такой. Ты должен видеть за этим платьем меня. – У меня вырвался лёгкий вздох. – Или не должен. Ты, как и все другие, смотришь на обёртку и не интересуешься, что внутри. Но другим хотя бы развернуть обёртку

хотелось, а ты даже дотронуться боишься. — Я руку свою отдёргнула, когда Лёшка меня коснуться захотел, видимо, надеялся успокоить. А я и не нервничала. Горько было, что так ошиблась, но не нервничала.

Верка выбежала следом за мной на лестницу. Глаза лихорадочно блестели от выпитого за столом, и на меня она смотрела с удивлением и сочувствием одновременно. Схватила меня за руку.

— Вась, Вась, что случилось-то? Ты из-за этой девчонки, что ли, расстроилась?

— Нет. — Я спустилась на пару ступенек, но Верка продолжала держать меня за руку.

— А что тогда?

Я вздохнула.

— Вер, я поеду. Если честно, я устала.

Она растерялась.

— А Лёшка?

Я покачала головой.

— Понятия не имею, чем он займётся. Пусть сценки новые штудировать.

На улице уже темнело. Я на часы посмотрела, поняла, что задержалась почти на полчаса. Но Завьялов, конечно, терпеливо ожидал, и ведь даже не позвонил, чтобы поторопить меня. Молодец какой. Я к машине шла, каблуки громко стучали по асфальту, прохладный вечерний ветерок трепал подол платья, а я дышала глубоко, надеясь, что всё-таки смо-

гу обойтись без слёз. В машину села, молча, и Генка тоже молчал, уж не знаю, как понял и почувствовал моё состояние. А я на сидении откинулась, вглядываясь в сгущающуюся темноту за окном, а потом попросила без всякой надежды: – Дай сигарету.

Он посомневался, а потом из кармана пачку достал. И даже прикурить мне дал. Само очарование.

Из открытых окон общежития неслась музыка, весёлые голоса, несколько ребят вышли на улицу, покурить, и теперь посматривали с интересом в сторону нашей машины. Я же глубоко затаилась, чувствуя лёгкую тошноту от привкуса никотина на языке, и выпустила дым в окно, стараясь не думать о том, что Завьялов за мной наблюдает.

– Есть хочу, – сказал он негромко. Головой помотал, скидывая с себя сонливость и ключ в замке зажигания повернул. – Поехали, поедим.

Я промолчала, мне, если честно, всё равно было. И сигарету выкинула. Между прочим, курила я третий раз в жизни. Гадость страшная.

Недолго мудрствуя, ресторан мы выбрали, который находился недалеко от нашей гостиницы. Генка сказал, что в самой гостинице кормят мерзко. А тут и вывеска яркая, и стоянка с охраной, и лакей в дверях. Появилась надежда, что и накормят не хуже, чем в «Трёх пескарях». Мне, вообще, в эти минуты очень домой хотелось. Мы с Завьяловым вошли и обвели зал ресторана одинаково оцениваю-

щими взглядами. Затем Генка неопределённо хмыкнул, и я ощутила прикосновение его руки к своей спине, когда он направил меня в сторону свободного столика. Я же неторопливо осматривалась, и на самом деле почувствовала себя намного увереннее, чем ещё полчаса назад, на студенческой вечеринке. В ресторане был притушен свет, звучала негромкая музыка, люди спокойно ужинали, а молчаливые официанты скользили между столиками с подносами в руках. А к нам с Генкой уже спешил метрдотель, с широкой улыбкой на пухлом лице.

– Добрый вечер. Желаете поужинать?

– Желаем, – лениво отозвался Генка, и мы, наконец, сели за стол. Нам подали меню, я его открыла, пробежала глазами, и вдруг поняла, что на самом деле голодна. А ещё хочу вина, о чём своему сопровождающему и сообщила будничным тоном, словно никто мне в этом желании дома не отказывает. Хотя, папка, если узнает, точно даст по шее. А Генка лишь чуть насмешливо поинтересовался:

– У тебя вечер вредных привычек?

– Точно. Мужики, сигареты и алкоголь.

Генка негромко рассмеялся.

– Занятно.

Пока ждали заказ, я локти на столе осторожно пристроила, подпёрла руками подбородок. Более пристально начала изучать интерьер зала. Здесь я, на самом деле, чувствовала себя спокойнее и увереннее, даже если мне не всё нрави-

лось. Но, по крайней мере, ничего не раздражало. Не слышно странной музыки, пьяных выкриков и бестолковой суматохи студенческой вечеринки. Мне это никогда не нравилось.

Наконец, принесли вино, и я в несколько больших глотков осушила свой бокал. Завьялов наблюдал за мной с недовольством.

– Давай поспокойнее, куда тебя несёт?

– Больше не буду, – пообещала я, – только первый бокал.

Кстати, хорошее вино.

– Что бы ты понимала, малявка.

Я под столом его по ноге пнула.

– Не обзывайся.

– Что у тебя там случилось?

– Да ничего, – я соблазнительно повела плечом. – Просто я поняла, что он не герой моего романа. – Секунду раздумывала. – Или надо говорить – герой не моего романа?

– Откуда я знаю?

Я легко отмахнулась.

– Какая, в сущности, разница?

Немного позже принесли еду, Генка с энтузиазмом занялся своим ужином, а я, к тому моменту, заметно захмелевшая от выпитого залпом и на голодный желудок вина, принялась жаловаться Завьялову на судьбу. В какой-то момент мне показалось, что он меня не слушает, ест и глаз от тарелки почти не поднимает, это было обидно, я замолчала, но в следующую секунду Завьялов на меня посмотрел, и сказал:

– Вась, ну что тебе дался этот ботаник? Другого нету, что ли?

– Так нету, Гена, – удивилась я его непонятливости. – В том-то и дело, что нет никого.

Он усмехнулся, не поверив, и головой покачал.

– Ты сама себе придумываешь проблемы. Найди себе парня... Нормального. Который не будет таскать тебя на студенческие сборища. Который будет знать, что твоё место здесь. – Генка огляделся. – То есть, не конкретно здесь, конечно. В общем, ты поняла.

Я грустно кивнула.

– Поняла. Поняла... Вот только были у меня такие, которые понимали. И по ресторанам водили, в мои семнадцать. Ты же знаешь. Вот только тех, кто понимал и водил, интересовал, в первую очередь, мой отец, а потом моя внешность. Не я. – Я снова взяла бокал с вином и сделала глоток. – Я думала, что с Лёшкой всё будет по-другому. Ведь его мой отец точно не интересуется. Вот только оказалось, что... Я его тоже не интересую. Такая, как есть.

– Он просто тебя не потянет, и это понимает.

– Он нормальный парень, Гена. Самый нормальный из всех, кого я знала. Я думала, что с ним всё будет по-другому.

– Осчастливить его хотела?

Я посмотрела ему в лицо.

– Мне не нравится твоя ухмылка.

– Уж какая есть.

– Ты смеёшься надо мной, – пожаловалась я.

– Вась, тебе восемнадцать лет.

– С половиной!

– Колоссальная разница, я бы сказал. – Он мясо доел и выпил вина. А на меня смотрел пытливо, неожиданно для самого себя заинтересовавшись моими проблемами. – Он тебе не пара, вот и весь вопрос. Кто он такой? Никто. Пшик.

Я непонимающе сдвинула брови и прищурилась, потому что никак не могла сфокусировать взгляд на физиономии Завьялова.

– Пшик? Он не пшик. Да он чем только не занимается! И бегом, и КВНом, и статьи в институтскую газету пишет!

– В каждой бочке затычке, – констатировал Генка и вино допил. А после поинтересовался: – Ты чего не ешь? Опьянеть хочешь?

– Не хочу. – Вилку взяла и салат поковыряла.

– Из таких общественников, обычно ничего путного не получается. Делом надо заниматься. Одним делом, понимаешь? А не скакать, как блоха... Вась, ты представь, что с ним будет через несколько лет. Ну, закончит он свой институт, и что, куда?

– Он журналистом будет.

– Ага, будет. В местной газетёнке некрологи клепать или местную власть обличать. А ты дальше пойдёшь, ты дочка Филина, и самой же неловко вспоминать будет о том, как

страдала из-за него. Даже имени не вспомнишь, поверь мне. Так что, брось ты хандрить.

– Но мне же скучно.

Завьялов усмехнулся.

– Попроси Кирилла, он тебе болонку купит.

Я из тарелки веточку петрушки достала и в Генку её кинула. Кажется, за соседним столом это заметили, посмотрели на меня удивлённо, а Завьялов громко рассмеялся. А я вилку положила.

– Не хочу больше.

– Тогда пошли отсюда, тоска смертная. – Он отнял у меня бокал с вином, правда, я успела сделать ещё один хороший глоток, а потом подозвал официанта со счётом и бумажник достал. – Нормально всё, – сказал Генка, непонятно к кому обращаясь, в мою сторону он не смотрел, – зато прокатились в соседний город, проветрились.

На улице было тепло. Ветерок лёгкий, ласковый, я на крыльце остановилась и вдохнула полной грудью. А потом уже незнакомую улицу оглядывать принялась. Всюду огни, неоновые вывески, люди гуляют, машин много, так сразу и не скажешь, что скоро полночь. Моё внимание привлекла вывеска ночного клуба неподалёку, с той стороны слышалась музыка, и я поняла, что хочу танцевать.

– Нет, нет и нет, – категорично заявил Генка и даже воздух рукой рубанул. А я его за эту руку схватила и потянула в сторону клуба.

– Ну, пожалуйста. Мы недолго!

– Вась...

Я остановилась и посмотрела на него распахнутыми восторженными глазами.

– Я знаю, что ты отлично танцуешь!

– Это откуда, интересно?

– Ну, как же... – Я обвела его фигуру особенным взглядом. – У тебя все данные к этому.

Завьялов невольно рассмеялся и всё-таки позволил увлечь себя к клубу. Правда, в дверях предупредил:

– Я танцевать не буду, в баре посижу.

– Как хочешь.

Генка устроился в баре, заказал себе что-то, я видела, как перед ним поставили бокал, а он сразу повернулся и меня глазами нашёл. Я ему рукой помахала, а потом глаза закрыла, слушая только музыку. Людей вокруг было много, танцплощадка была переполнена, но это мало кого беспокоило. Когда мерцала светомузыка и кроме бешеного ритма ничего не слышно, не задумываешься о том, что кто-то у тебя за спиной стоит. Я танцевать любила и сейчас, после такого насыщенного и полного тревог и сомнений дня, получала настоящее наслаждение, сбрасывая всю негативную энергию. Правда, время от времени всё же смотрела в сторону бара, чтобы удостовериться, что Завьялов там и не ушёл никуда. Хотя, куда он мог уйти? Он меня не оставит.

Повернувшись в очередной раз, увидела рядом с ним де-

вушку, и мысленно подивилась чужой прыти: уже подцепил кого-то! А девица вон как старательно улыбается, наклонилась к нему, что-то на ухо говорит, а этот гад довольно посмеивается. А потом глазами в мою сторону косит. Я как только это заметила, сразу отвернулась. Волосы от лица отвела, голову назад откинула, улыбнулась какому-то парню. Отсчитывала про себя удары сердца. Насчитала пятьдесят и снова обернулась на Генку. Не знаю, что это было, ликование или восторг, но когда поняла, что он только на меня смотрит, забыв о новой знакомой, внутри у меня что-то взорвалось, настоящий фейерверк. Он мой взгляд встретил, и усмехнулся, но я даже с этого расстояния видела, что губы его лишь дрогнули, и он снова замер, глядя на меня. А у меня голова кружилась – и от выпитого вина, и от круговорота вокруг, громкой музыки, немного спёртого воздуха в зале и, конечно, от мужских взглядов. Кажется, я на самом деле пьяна. Что совсем меня не беспокоит.

Я почувствовала чью-то руку на своей талии, обернулась и оказалась лицом к лицу с тем самым парнем, которому улыбалась пару минут назад. Чуть отстранилась, но не отодвинулась от него. Он продолжал мне улыбаться, потому что сказать ничего не мог, музыка была настолько оглушительна, что казалось, основной дробный ритм вырывается прямо изнутри меня. Я на зазывные улыбки парня никак не реагировала, просто продолжала танцевать рядом с ним и не отворачивалась. Но продолжалось это недолго, минуту или две,

и вот уже на моей талии совсем другая рука, которая уверенно разворачивает меня в другую сторону. Завьялов посмотрел с укором, а за мою спину с предостережением. Я без особого интереса за своё плечо глянула, и поняла, что молодой человек исчез, как и не было его, и снова к Генке повернулась. За руку его взяла, не отпуская от себя, а он к моему уху наклонился, прокричал что-то, а я только головой помотала, давая ему понять, что всё равно не слышу. И к нему придвинулась, смеясь, и вынуждая его танцевать со мной. А Завьялов хоть и улыбался, не уходил, но стоял, как истукан, совершенно не собираясь двигаться. Только развернул меня, когда это потребовалось, и спиной к своей груди прижал. А я по его телу вниз съехала, когда ритм музыки немного изменился и стал более плавным, а потом резко поднялась и к нему лицом повернулась. Взгляд его встретила и тут же нервно сглотнула. Генка смотрел на меня и словно спрашивал: «Что творишь?». А я понятия не имею, что творю. Да и вообще творю ли. Просто рядом с ним спокойно и оправдываться не надо. Вот только смотрит он так, что в венах уже не музыка, а волнение бурлит.

Я отступила на шаг, и в который раз его за руку потянула, а он притянул меня обратно. Я губы в улыбке растянула, хотя так беспечно, как за пару минут до этого улыбаться уже не получалось. Но танцевать продолжала, и всё думала, к чему же это приведёт. Моя рука сама по себе скользнула по его плечу, за шею обняла, и если бы не вино, если бы

я чётко понимала, что делаю, наверное, никогда не оказалась бы в такой опасной близости к Завьялову. Кажется, между нами даже сантиметра расстояния не было. И двигалась я медленно, совсем не под музыку, заворожённая его задумчивым взглядом. Генка смотрел на меня и гадал... А я даже не мечтала о его поцелуе или о чём-то другом, что он сделать может, провоцировала, наверное, соблазняла, почти не понимая, что делаю, ждала его реакции, но всей опасности не понимала, где-то в глубине души была уверена, что он уже в следующую секунду рассмеётся мне в лицо, как делал обычно, за руку меня возьмёт и из клуба уведёт, и ещё добавит что-то вроде: «Маленьким девочкам давно пора спать, а не по клубам шататься». А он поцеловал. Сначала большим пальцем моего подбородка коснулся, погладил, а после к моим губам наклонился. Я застыла, поняла, что дышать не могу. Он коснулся губами моих губ, и при этом в глаза мне смотрел. Если бы я не заметила искорку смеха в его взгляде, наверное, в обморок бы грохнулась, честно, а потом поняла, что если на поцелуй не отвечу, Завьялов всю оставшуюся жизнь будет надо мной смеяться, будет говорить, что я струсила.

Поцелуй вышел невыразительным, изучающим, осторожным, но никак не страстным. Я просто старалась соответствовать, показать этому самоуверенному болвану, что целоваться умею, и совсем не как маленькая девочка, какой он меня считает. Вот только не впечатлило совершенно, а потом

Генка голову поднял, и мы с ним вновь глазами встретились. Вот именно в этот момент можно было всё перевести в шутку. Списать на алкоголь, назвать глупостью и больше никогда не вспоминать, а вместо этого одно неуловимое движение, даже непонятно с чьей стороны, и вот уже совсем другой поцелуй. Я Генку за шею обняла, и слышала теперь только музыку, вместо ударов собственного сердца. А всё остальное отступило, я даже забыла, что вокруг людей полно, они танцуют, а мы целуемся, как сумасшедшие. Я его затылок глажу, чувствую коротко стриженные волосы под своими пальцами, Генкины руки на моей спине, и ладони такие большие, широкие, такое ощущение, что я вся в его руках. А когда отодвинулась, голову назад откинула, судорожно втянула в себя воздух, а его губы уже на моей шее. Просто что-то невероятное. Словно это и не я вовсе, будто кино смотрю, с собой в главной роли.

Но надо сказать, что подействовал на меня этот поцелуй отрезвляюще, да и не только на меня. Когда из клуба вышли, мы с Генкой оба чувствовали себя несколько обескураженными. По улице шли, по направлению к гостинице, до которой было рукой подать, Завьялов меня за руку вёл, а я впервые чувствовала, что прикосновение его руки меня обжигает. Едва поспевала за ним, он шёл решительно, широким шагом, и, как я понимала, ему не терпелось довести меня до номера, чтобы избавиться от моего общества. Я не возражала, у меня вообще слов никаких не было, в голове пу-

стота и только сердце по-прежнему скачет в знакомом ритме. Невероятное что-то. Я даже глаза к ночному небу подняла, словно помощи ждала оттуда, и совершенно некстати споткнулась. Завьялов с шага сбился, меня за талию обнял, поддерживая, и дальше повёл.

– Извини, – пробормотала я, но он никак не отреагировал.

Одна я осталась только на минуту, у лифта, ждала, когда Генка ключи у портье от наших номеров возьмёт. К стене отвернулась и руку к лицу приложила, осторожно облизала губы. Никак не могла уложить в своей голове то, что случилось. Но одно могла сказать точно – так меня ещё никто не целовал. До сих пор трясло, я даже поёжилась. А потом вспыхнула, когда почувствовала, что он вернулся. Руку к кнопке вызова лифта протянул и меня едва коснулся. А у меня непонятный жар по всему телу и стыдно стало за свои ощущения. В лифт вошла и к стене привалилась, глаза рукой прикрыла. Потом поняла, что Генка на меня смотрит, и руку медленно опустила. Хотя, тут же пожалела об этом. Такие взгляды, наверное, никогда не забываются. Особенно, если он первый в твоей жизни. На меня и до этого смотрели со страстью, с удовольствием, с определённым намёком и сексуальным подтекстом, но во взгляде Завьялова никакого намёка и подтекста не было. Всё напрямую. Только видно, что пытается с собой бороться. Из всех сил пытается. Ещё несколько мгновений и ему это удастся, я точно это знала, он же не сопливый подросток. Сейчас Генка отвернётся от меня,

и всё закончится.

Это было бы благом, если бы закончилось так, не начавшись толком. Ведь внутри у меня от страха и предвкушения всё трясётся. Я руку в кулак сжала, зажмурилась, сама не зная, к чему себя морально подготавливая: к тому, что всё закончится или наоборот, продолжится. Лифт дёрнулся и остановился. Двери за Генкиной спиной открылись, а мы по-прежнему стояли, не двигаясь. Я себя добычей чувствовала, честное слово. Казалось, что стоит мне пошевелиться, и Завьялов тут же нападёт, ведь уже готов к этому, даже взгляд, как у хищника. Но он первым опомнился, вышел, а я следом за ним.

Позже я много раз себя спрашивала, чувствовал ли Завьялов, как сильно я нервничаю. Когда он оказался рядом, у меня колени затряслись. И я уже была не я, ведь не было никогда такой Василисы Филин, и ни разу до этого я не чувствовала себя настолько неуверенно. Он только дотронулся, а я сама потянулась вслед за его рукой, позабыв о всякой осторожности. Генка, наверное, хотел проверить мою реакцию, убедиться, что всё закончилось, и я опомнилась, что можно отпустить меня с миром, закрыть за мной дверь номера, а я вместо этого практически предложила ему себя. Обоюдное сумасшествие, и мы оба даже предположить не могли, к каким последствиям это в итоге приведёт. Дальше, чем на ближайший час, мы не загадывали.

Я даже не поняла, в чей номер мы вошли, только услы-

шала, как дверь хлопнула, закрываясь, и, наверное, здравый смысл остался за ней, а я потерялась в своих ощущениях. И если и думала о чём-то, то только о том, почему раньше смотрела на Генку и не видела, не понимала, не представляла, что могу почувствовать рядом с ним нечто подобное. Это уже потом ругала себя и говорила, что думать надо было не о нём, а о себе, о том, что творю, и сбежать, пока не поздно. Но как там сбежишь, когда себя не помнишь? И всё, что раньше страшило и тревожило, потерялось, померкло под решительным натиском. Голова по-прежнему кружилась, и это добавляло мне ненужной смелости, я отвечала на жадные поцелуи, и смеялась, когда чувствовала Генкино нетерпение и то, как руки его не могут справиться с застёжками на моём платье.

– Чёрт, Вась...

– Я сама, сама. – Молнию на платье вниз дёрнула, спрятанный за складкой крючок расстегнула, и снова Генку к себе потянула.

Я его хотела, и никакие молоточки в мозгу не тукали, предостерегая об опасности, чёрт бы их взял. Раньше всегда проявлялись, что помогало мне избежать неприятностей, а тут просто скрутило, закружило, и белый свет померк. Я упивалась силой, напором, мужским желанием, и совсем не боялась, пока поздно не стало. И тогда в Генку вцепилась, и, кажется, в одну секунду растеряла весь огонь, который будоражил кровь ещё минуту назад. Лбом к его плечу прижа-

лась и со свистом втянула в себя воздух, не зная, как спастись от боли. А Завьялов замер. Напрягся, мышцы превратились в камень, и дышит, как бык, который с разбегу на бетонную стену натолкнулся.

— Васька... — И в голосе столько потрясения, я расслышала, но не впечатлилась. Мне, честно, не до этого было. Ногти впились в кожу на его спине, и всё-таки всхлипнула, пусть и чуть слышно. Генка головой потряс, в себя приходя, а я ещё сильнее в его плечи вцепилась, боясь, что он отодвинется. Голову на подушку откинула и глаза закрыла, пережидая.

Завьялов медлил, опустил на меня, согнув руки в локтях, и я почувствовала, как он тяжело дышит, горячее дыхание обжигает мою шею. Потом носом потёрся.

— Лучше?

Я кивнула и вдохнула свободнее. И за шею его обняла. А он всё медлил, и я понимала, что в нём зреет негодование и протест, пришлось самой его поцеловать, чтобы от ненужных в данный момент мыслей отвлечь. А потом снова глаза закрыла, стараясь расслабиться и забыть про боль, которая хоть и ослабла, но исчезать не торопилась.

Не знаю, что именно я почувствовала в тот момент, когда Генка от меня отодвинулся. Он в сторону откатился, с дыханием справиться не мог, а я уже чувствовала стыд и ужас от свершившегося, они подкрались незаметно и накрыли меня с головой. На бок осторожно повернулась, и ладонь под щеку подложила, а сама до ломоты в глазах всматривалась

в тёмные шторы на окне, стараясь слушать биение своего сердца, а не дыхание Завьялова. Мне казалось, что я слышу, как и его сердце стучит. Это было странно, до невозможности странно, и оттого страшно. Как я могла напиться до такой степени, что переспала с ним? И ведь сама хотела этого, безумно хотела, в меня словно бес вселился. И в итоге Завьялов стал моим первым мужчиной. Генка Завьялов!

Если об этом кто-нибудь когда-нибудь узнает, мне придётся с собой покончить. Прежде, чем отец меня убьёт, собственноручно.

Генка за моей спиной зашевелился, а потом на постели сел. Я осторожно оглянулась на него через плечо. Он сидел ко мне спиной, опустив голову, затем тяжело поднялся. Я сразу отвернулась, не желая смотреть на него голого. Мне своей наготы в данный момент хватало. В ванной зажёгся свет, а потом дверь закрылась. Я расслабилась, выдохнула, даже рискнула на спину перевернуться, но уже в следующую секунду из ванной комнаты послышался жуткий грохот, видно Завьялов сбил с полки под зеркалом всё, что на ней стояло. У меня сердце сжалось в дурном предчувствии и снова затрясло. Уже ясно, кого обвинят во всём случившемся.

И только за одно я ему благодарна, что он в ту ночь не ушёл, не смотря на весь свой гнев. Остался со мной, хотя по номеру метался, как зверь. И молчал. Свет выключил, наверное, чтобы меня не видеть, потом позвонил на ресепшен и водки заказал, а вот в мою сторону не смотрел. А я в одея-

ло закуталась и слёзы глотала, кляня себя за их обилие. Мне не было обидно за реакцию Завьялова, я его прекрасно понимала, мне самой страшно было, и я никак не могла поверить в то, что мы сделали. Но я не знала, кого винить, а вот Генка знал. Дождался, когда водку принесли, выпил прямо из стакана, а потом всё-таки лёг в постель. Я лежала рядом и делала вид, что сплю, а сама разглядывала его украдкой. Видела только очертания его тела в темноте, но мне большего и не нужно было. В душе что-то невероятное творилось – и опустошение, и страх, и смущение, и неизвестно, что со всем этим делать. Плакать хотелось, но в то же время была рада, что Генка не сбежал. В конце концов, вдвоём натворили дел, вот и решать надо вдвоём. Завтра утром...

Но лучше бы это утро не наступало, честно. Проснулась я от Генкиной ругани вполголоса. Глаза открыла и поняла, что в постели его уже нет, голову с подушки приподняла, глаза потёрла, просыпаясь, и поняла, что Генка в ванной, на полу что-то ищет. Я снова легла и растрепавшиеся волосы пригладила. А когда Завьялов в комнате появился, посмотрела на него испуганно. А у него не лицо, а маска восковая. Заметил, что я проснулась и губы поджал.

Я нервно откашлялась.

– Привет.

Он кивнул. Разглядывал меня, да так пристально, что я невольно натянула на себя одеяло до самого подбородка. И щёки загорелись.

– Вставай. Мы через час уезжаем, – сообщил он.

– Хорошо.

– Хорошо, – повторил он за мной, на глазах закипая. – Можно тебя попросить, больше никогда и ни в чём со мной не соглашаться?

Я обиженно поджала губы, а потом на постели села и одеяло отпустила, оно тут же соскользнуло с груди. Я намеренно это сделала, чтобы ещё больше Генку позлить.

– Да ради Бога.

Он глазами сверкнул и из номера вышел. А я только тогда как следует по сторонам посмотрела, и поняла, что номер не мой, а Завьялова. Они абсолютно одинаковые, но вещи на столе и в приоткрытом шкафу – его. Лицо руками закрыла и головой потрясла, пытаюсь убедить себя в том, что всё случившееся не дурной сын. А когда с кровати вставала, одеяло в сторону откинула, на простыни посмотрела, и в этот момент удостоверилась, что всё правда. Вот ведь... И голова болит.

Выехали мы ровно через час. Что странно. Наверное, потому что не разговаривали и время по пустякам не тратили, я и успела собраться за столь короткий срок. Завтракать я отказалась, чувствовала себя мерзко, сумку с вещами Завьялову передала, очень стараясь при этом его не коснуться, и к машине пошла. Села на заднее сидение, за Генкиной спиной, чтобы не видеть его. Мы молчали почти всю обратную дорогу, несколько часов. И молчание не тяготило. Я смотре-

ла в окно и думала о том, что дальше будет. Понятно, что знать о случившемся никто не должен.

– Вася, – заговорил Завьялов, когда до нашего города оставалось минут сорок езды, не выдержал видимо. – Давай обсудим кое-что...

– Да нечего обсуждать. – Я тоже опустила на нос тёмные очки, и смотрела по-прежнему в окно. – Ничего не было, забыли.

Он секунд тридцать переваривал мои слова, а потом не сдержался и по рулю ударил.

– Ты должна была мне сказать!

– Это не имело значения.

– Ты сама себя слышишь?!

– Я слышу! – заорала я в ответ. – И ты послушай. Это неважно! Когда-нибудь это всё равно бы случилось. И да, извини, что ты первым оказался, вот такая неприятность! Больше не повторится.

– В этом я как раз не сомневаюсь.

Я пнула спинку его сидения.

– А вот хамить мне не надо. Если сам не проболтаешься, то никто не узнает. Да и вообще... кто тебе поверит, что ты у меня первый? Это же я, забыл? Тебе любой в городе расскажет о том, сколько у меня мужиков было. – Я сглотнула и снова к окну отвернулась. – Так что забудь. Я сама виновата.

Вот и всё. Нужные слова сказаны, и Завьялов послушно

замолк, руль крутил, а я на заднем сидении сжалась, осторожно очки приподняла и слёзы вытерла. И решила, что сегодня жуткий день, а вот завтра утром я проснусь, в своей постели, и всё непременно наладится. Поездку в Нижний Новгород я вспоминать никогда не буду.

Через неделю после возвращения из Нижнего Новгорода, я улетела с Фаей на Кипр. Не собиралась, да и я ей там не нужна была, Ника для Фаи наняла компаньонку, опытную медсестру, чтобы та и скучать ей не давала и за здоровьем следила, а я напросилась с ними, в нагрузку, так сказать. Не выдержала напряжения, так как выяснилось, что стены родного дома избавиться от ненужных воспоминаний совсем не помогают. Захотелось отвлечься, а главное, что родители против моего отдыха совсем не возражали. И я уехала, ни с кем кроме родных, не попрощавшись. Завьялов не в счёт. Он сопровождал нас до московского аэропорта, но я с ним не разговаривала, вообще делала вид, что его не замечаю. Молчала и в окно смотрела, а он, время от времени, кидал на меня тревожные взгляды через плечо.

Я же сама никак не могла разобраться в том, что со мной происходит. Я не была особо расстроена из-за случившегося, не пребывала в ужасе и тревоге, даже Генку не ненавидела. Я ведь никогда не строила особых надежд на то, что дождусь своего принца, себя ни для кого не хранила, просто боялась, и этот непонятный для меня, сковывающий изнутри, страх, не единожды заставлял меня останавливаться на самой грани и сбегать. Я даже начала склоняться к мысли, что со мной что-то не так, раз то, что у меня внутри, мои

потаённые мысли и страхи, так не соответствуют тому, что видят во мне окружающие. А тут Генка Завьялов, человек, о котором я и не думала никогда всерьёз, но что-то вдруг случилось между нами, и рядом с ним я забыла испугаться. Что-то в нём есть такое, для меня, видимо, понятное, что придаёт мне сил и храбрости. Вроде, с одной стороны это хорошо, какие-то перемены во мне, что-то новое открывается, а меня это больше всего и беспокоит. Я этого с ним не хотела! Я не раскаиваюсь в содеянном, но не хочу больше думать и вспоминать. Это была ошибка. И находясь рядом с Завьяловым, я теперь понимала, что задыхаюсь, грудь распирало и внутри начиналось нестерпимое жжение.

– Веди себя там хорошо, – посоветовал мне Генка вполголоса, уже перед самым отлётом. Я глянула на него исподлобья, расслышав в его голосе насмешку.

– Иди к чёрту, – посоветовала я ему.

Генка в ответ усмехнулся, но уверенность подрастерял, и говорить больше ничего не стал, а я к стойке регистрации направилась с тяжёлым сердцем. Мне очень хотелось оглянуться и посмотреть на него.

Я постоянно о нём думала. Постоянно! И чем старательнее пыталась от этих мыслей отделаться, тем навязчивее и неприличнее они становились. Мне не хотелось ни с кем говорить, не хотелось веселиться и отдыхать, я утром уходила на пляж и проводила там почти весь день. Лежала на тёплом песке, прикрыв лицо шляпой, слушала шум волн и вспо-

минала раз за разом ту ночь, уже не понимая, что было на самом деле, а что я себе придумала. Ругала себя за то, что веду себя настолько глупо, но отделаться от этих мыслей никак не могла. Иногда казалось, что всё настолько чётко помню, что вновь ощущаю Генкины прикосновения и ту самую боль, нестерпимую и в то же время удивительную, которую ни с чем не спутаешь. В такие моменты мне уже не лежало спокойно, я начинала ёрзать, переворачивалась на живот и шляпой снова голову прикрывала, прячась от чужих взглядов. Вот как меня угораздило так вляпаться? И почему я думаю о Завьялове без конца? Почему не о Лёшке, в которого я была влюблена почти целый год, и с которым потерпела такую сокрушительную неудачу? Вот из-за чего страдать надо, а я Генкины поцелуи вспоминаю.

– Как тебе отдыхается? – поинтересовалась Ника, когда мы разговаривали по телефону, спустя неделю моего пребывания на Кипре.

– Хорошо, – соврала я.

Она, кажется, уловила напряжённость в моём голосе, и переспросила с сомнением:

– Да?

Я вздохнула.

– Правда, хорошо. Погода отличная, я целыми днями на пляже.

– Кирилл с Генкой просили передать, чтобы ты одна не плавала. Мало ли...

Я тут же внутренне вскипела.

– А Генка здесь при чём? Он что, мой воспитатель?

– Не злись. Но мы же все знаем, как ты плаваешь.

– Я нормально плаваю, – возразила я, – но я боюсь глубины и не лезу туда. Я же не дурочка.

Но вот эти слова: «Генка просил передать», в моей душе всё вверх дном перевернули, честное слово. Я телефон выключила и лбом к прохладной столешнице приложилась. Такое чувство, что мне сердце в спираль закручивают. И тут же в испуге спросила саму себя: я же не собираюсь в него влюбиться? Я только подумала об этом, но уже одно предположение заставило меня похолодеть. Вот Завьялов посмеётся, если узнает!

Назло ему и самой себе, уже на следующий день я познакомилась на пляже с ребятами из Польши. Точнее, это они со мной познакомились, подошли, заговорили, а я не стала отнекиваться и сбегать от них. На английском с сильным польским акцентом, поинтересовались, почему я такая грустная, и сообщили, что уже несколько дней за мной наблюдают. Они смешно разговаривали, особенно, когда переходили на родной язык, были милы, симпатичны, и я решила, что отвлекаться мне просто необходимо. Несколько дней мы провели вместе, в их компании была ещё одна девушка, сестра одного из ребят, и я даже с ней поладила, чем, если честно, была удивлена. С девчонками мне, обычно, сойтись гораздо труднее. Мы всей компанией съездили в Никосию,

на экскурсию, и я при этом чувствовала себя вполне привычно и спокойно среди них. По крайней мере, эти ребята избавили меня от тоски, и заставили отвлечься от душевного самокопания, к которому я в последнее время пристрастилась. А один из польских мальчиков даже ухаживать за мной начал. Его звали Марик, у него были лучистые карие глаза и приятная улыбка. И нрав добродушный, рядом с ним я не напрягалась, даже призналась, что боюсь глубины и поэтому никогда не заплываю далеко. У меня сразу паника начинается, как только подумаю о том, что дна под ногами нет, начинаю захлёбываться и тонуть. Но промолчала про то, что обычно в воду захожу со спокойной душой, только если рядом отец... или Генка. Они всегда следят за мной взглядом и в любой момент готовы прийти на помощь.

От этих мыслей, в которых снова промелькнуло Генкино имя, я поспешила отмахнуться, Марику улыбнулась и согласилась прогуляться с ним вечером по пляжу. Согласилась специально, прекрасно понимая, что за этим последует, но мне необходимо было проверить... Вдруг случится чудо, и после этого вечера я перестану без конца думать о Завьялове? Как говорится, клин клином вышибают.

Но лекарство не подействовало. Поздно вечером я вернулась домой разочарованная, и о Марике, с его юношеской пылкостью, мне вспоминать совершенно не хотелось. Хотя, и целовал он меня с большой страстью, и я даже позволила ему уложить себя на мягкий песок и некоторое время терпе-

ливо сносила его прикосновения, но ничего похожего на пожар в крови, который я однажды пережила, не ощутила. Было откровенно скучно и даже не особо приятно. Мне не хватило в нём уверенности, присущей взрослому мужчине, знания, мне не нравилось, что у него дрожат руки, и он сопит мне в ухо. Мне не хватило откровенного взгляда в упор, после которого становится неважно что и для чего, ты просто таешь от осознания того, что тебя так сильно хотят. И в итоге я от Марика сбежала, оставив ошарашенного парня в темноте и, можно сказать, что ни с чем. Но вины я за собой, из-за своего бегства, не чувствовала, я вообще не собиралась с ним больше встречаться.

На Кипре мы провели три недели, и что бы я ни говорила, но они мне помогли. Если не успокоиться, то смириться. Исправить я уже ничего не могла, и в будущем устроить всё по своему желанию тоже, и поэтому решила не нервничать и просто жить дальше. Поклялась, что Завьялов никогда не узнает, как я мучилась из-за него эти недели, просто изнывала. И была уверена, что он-то точно особо не напрягается из-за случившегося. Это я с ума схожу, потому что у меня всё было впервые, впечатлений море, поэтому и переживаю так сильно. Но пора с этим заканчивать.

Домой я вернулась именно с таким настроением: не строить из себя впечатлительную дурочку и жить дальше. С восторгом рассказывала Нике о каникулах, улыбаться старалась непринуждённо, и даже съязвила в ответ на какое-то заме-

чание Завьялова. Помню, что он тогда едва слышно хмыкнул, не собираясь ввязываться в спор. А мне дышать легче стало, когда это поняла. Именно это было нужно мне, чтобы понять – моя жизнь из-за одной случайной ночи измениться не может. И теперь лишь изредка я позволяла себе задержать на Генке свой взгляд, и старалась не брать в голову тот факт, что сердце подозрительно сладко сжимается в такие моменты. Я всё помнила...

Учебный год я начала безо всякого энтузиазма. Отсидела первые пары со скучающим видом, в перерыве сходила в кафе, чаю выпила, причём в одиночестве, общаться ни с кем не хотелось. Даже когда Верка ко мне за стол под села, я наотрез отказалась с ней сплетничать. Ей очень хотелось узнать, что же произошло тогда в Нижнем Новгороде между мной и Лёшкой Прохоровым, а я настойчиво перевела разговор на другую тему и принялась ей про Кипр рассказывать, и даже Марика приплела, чтобы подругу отвлечь. Но не тут-то было. Мариком она хоть и заинтересовалась, но потом всё же спросила:

- А как же Лёшка?
- Да никак, – в раздражении отозвалась я. – Он герой не моего романа!
- Ну вот, – расстроилась она. – А это Марк...
- Марик.
- Ну да. Ты с ним переписываешь или что?
- Не переписываюсь я с ним! Зачем?

Верка осторожно пожала плечами.

– Я просто спросила.

– Вер, это был курортный роман, – важно проговорила я, и поняла, что, видимо, наговорила подруге лишнего, немного приукрасив события.

Позже, в коридоре института, встретила с Прохоровым. Он куда-то торопился, в руках несколько толстых книг, но меня увидел и направился за мной. Чему я, признаться, совсем не обрадовалась. Но когда он подошёл, приветливо улыбнулась, и отметила про себя, что дыхание не сбилось, как раньше бывало, и сердце бег не замедлило.

– Привет, – сказал он и улыбнулся несколько смущённо. – Ты уже уходишь?

– Да, на сегодня всё. – И запоздало произнесла: – Привет. Прохоров рассмеялся.

– Привет.

Мы дошли вместе до выхода, и вышли на крыльцо.

– Василис, ты прости, что всё тогда так получилось. Я на самом деле дурак. И увалень.

– Вот это явно не твои слова.

– Ну... Мне объяснили, что я был не прав.

Я решила его успокоить.

– Лёша, всё в порядке, я не злюсь.

– Правда?

– Да.

Он окинул меня внимательным взглядом.

– Здорово выглядишь, загорела. Отдыхать ездила?

– На Кипре была, у папы там дом. Вот, ездим иногда...

Прохоров кивнул, не зная, что сказать. А потом подумал и предложил:

– Хочешь, вечером сходим куда-нибудь.

Я улыбнулась, правда, в сторону. Сколько месяцев я ждала, что он первый шаг сделает? А когда он решился, мне это уже не нужно.

– Не стоит, Лёш.

– Ты так считаешь?

– Да.

– Значит, я на самом деле дурак.

На это мне сказать было нечего. Я смотрела в сторону и думала, как бы мне поскорее уйти, но при этом Лёшку не обидеть. А вместо этого он сказал:

– За тобой приехали, – и я нервно дёрнулась. Обернулась в плохом предчувствии, и увидела, как на стоянку перед институтом въезжает машина Завьялова. Только этого не хватало. И тут же, как по заказу, и дыхание сбилось, и сердце сжалось, и я даже покраснела. А Лёшка за мной наблюдал.

– Что-то не так?

Я только головой качнула, торопливо с ним попрощалась, и направилась к Генкиной машине. Хотя, ноги в эту сторону меня никак не несли. Перспектива остаться с Завьяловым наедине, меня совсем не радовала. После моего возвращения такого ещё не случалось, мы всегда встречались в при-

сутствии третьих лиц, и это было куда проще, чем смотреть друг другу в глаза и стараться не выдать своих чувств. Хотя, про чувства, это скорее ко мне. Завьялов, как мне кажется, уже давно успокоился.

Я открыла заднюю дверь и села в машину.

– Ты чего это приехал? Я не просила меня забирать.

– Кирилл просил тебя забрать и отвезти в Яблоневку. Они подбирают место для дома.

– А я им зачем?

– Вот уж не знаю. Наверное, для того, чтобы общий вос-
торг поддержать.

Возразить мне было нечего, оставалось только покориться, а плохое настроение спрятать под маской равнодушия.

– Вась, у тебя всё в порядке?

Я отвлеклась от своих мыслей, на Завьялова посмотрела и в первый момент непонимающе моргнула.

– Да.

Генка странно помялся, смотрел на дорогу и хмурился.

– Точно?

Вот только тогда, по его напряжённому тону, я поняла, что он имеет в виду. И покраснела, что со мной случается не часто, а вот за последние полчаса уже дважды, и всё по Генкиной вине. Краснота просто затопила, даже уши защипало, и меня в жар бросило. От этого всего я разозлилась и довольно резко ответила:

– Я не беременна, можешь успокоиться.

Он промолчал, а я снова в окно уставилась, изо всех сил стараясь справиться с эмоциями. Этим вопросом Генка просто вывел меня из себя. Оказывается, все эти недели его этот вопрос мучил. Хотя, конечно, чего можно ждать от малявки, которую по дурости совратил? Только то, что она непременно забеременеет, и её отец тебя либо кастрирует, либо жениться заставит. И ещё неизвестно, что хуже.

Тем вечером я долго не могла заснуть, наконец дала волю своему отчаянию, и с чувством ревела, уткнувшись лицом в подушку. И раз за разом повторяла про себя или злым шёпотом, что я ненавижу Генку Завьялова.

Ненавижу!

Сентябрь прошёл, оставив в памяти последние тёплые деньки, а в начале октября уже зарядили холодные, противные дожди, окончательно испортившие моё настроение. Меня ничего не радовало. Учиться скучно, поговорить не с кем, даже Верка меня бросила, собравшись вдруг замуж за своего бывшего одноклассника. Зачем ей это было нужно – я не понимала, а она, как заведённая твердила о любви и хотела замуж. Ну, раз хочет, кто ей запретит? Но на меня у неё времени не стало, а ходить с ней по магазинам и свадебным салонам у меня не было ни настроения, ни желания. Папка же с Никой, пережив основной наплыв туристов в лучшие месяцы, теперь сами отправились отдыхать, забрав с собой маленького Ваньку. А я осталась, как неприкаянная, никому не нужная, только к Фае иногда в гости заходила, да

гранит науки грызла, не получая от этого никакого морального удовлетворения. В один из вечеров, правда, приехала в «Три пескаря», от скуки, хоть и знала, что в отсутствие папки там всем Генка заправляет. Из-за этого сомневалась, стоит ли ехать, а потом решила, что я не ради него туда еду, а чтобы отвлечься, имею право. А если кого-то не устраивает, то пусть он отправляется ко всем чертям. Эти мысли и моё мнимое превосходство над Завьяловым меня бодрили, и в ресторан я приехала, преисполненная важности и уверенности в себе, но быстро сдулась, как воздушный шарик, как только поняла, что Генка, в отличие от меня, времени даром не теряет, и связался с новой ресторанной певичкой. Мне про неё Ника рассказывала, говорила, что девушка выглядит неплохо и поёт прилично. А теперь мне выпал шанс самой в этом удостовериться. Правда, на голос её мне было абсолютно наплевать, я присматривалась к ней, и взгляд мой был придиричивым, если не сказать больше. И внутри всё похолодело, когда увидела, как она к Генке льнёт, а его рука уверенно лежит на её талии. А девушка ведёт себя так, словно уже войну выиграла и главный приз получила. Завьялову, наверное, как раз это и нравится, главным призом себя чувствовать. Я отвернулась от них и заказала себе ещё коктейль.

– Уезжаешь?

Он догнал меня в холле, мне пришлось остановиться и повернуться к нему. Кивнула. В глаза Генке старалась не смотреть и держаться спокойно. Взгляд с его лица опустила

и несколько долгих секунд разглядывала мощную шею в вырезе светло-голубой рубашки, которая ему очень шла. И, кажется, он это прекрасно знал, и глаза по-особому мерцали.

Завьялов отошёл, чтобы вызвать мне машину, а когда вернулся, спросил:

– Как дела? Что-то давно не виделись.

– Никак у меня дела, – порадовала я его.

– В смысле?

– Мне скучно.

– О-о.

– Вот только не делай такое лицо, – попросила я. – Все разъехались, и мне скучно.

Он улыбнулся, глаза сверкнули, и я поняла, что сейчас скажет что-нибудь привычно-насмешливое, про мои детские привычки и избалованность, и у меня так тепло на душе от этого стало, хотя обычно на такие замечания я обижалась и даже злилась. Но это была наша обычная манера общения, которая в последнее время сильно изменилась, и меня это тяготило. Я, правда, хотела всё вернуть. Чтобы он смотрел на меня, как раньше, и не подбирал слова. Ведь это было глупо и Генке совсем не шло.

Но сказать он так ничего и не успел, в холл вышла та самая девушка, певица новая, и раскованной походкой от бедра, направилась прямиком к нам. Подошла, и Генку под руку подхватила.

– Гена, ты ещё долго? Я тебя жду, программу не начинаю.

Я голову чуть на бок склонила и опасно прищурилась, разглядывая эту особу вблизи. Оценила смелый внешний вид, яркий сценический макияж, пышную грудь в глубоком вырезе декольте, и ещё сильнее нахмурилась, наблюдая за тем, как она грудью о руку Завьялова трётся.

– Интересно, – проговорила я тоном, который даже меня самую слегка напугал, – а с каких это пор у нас шоу-программы проходят под присмотром начальника службы безопасности? – Я на Генку посмотрела. – Ты от чего её защищаешь? От толпы поклонников или от того, чтобы её не пристрелили, потому что слушать невозможно?

Завьялов, конечно, ответить не потрудился, а вот девушке не хватило ума промолчать. Она в растерянности похлопала длинными ресницами, на меня потарасилась, потом на Генку посмотрела, и всё ещё продолжала держаться за его локоть, что меня безумно раздражало.

– А в чём дело?

Пришлось подарить ей ещё один убийственный взгляд из моей коллекции.

– На сцену иди. Тебе зарплату платят за то, чтобы ты там стояла и пела, а не за то, чтобы по ресторану носилась, – я перевела взгляд на её платье, – в ночной сорочке не первой свежести, и влезала в разговоры начальства. – Я отвернулась от неё, и уже более спокойно обратилась к Завьялову. – Ты бы с управляющим поговорил, пусть с персоналом беседу проведёт. Ты же знаешь, папа терпеть не может фа-

миллярности.

Генка молчал, дождался пока девушка отойдёт, а после уже поинтересовался:

– Ты чего бесишься, начальство? – И смотрел с насмешкой, явно оценив мой спектакль.

Я тут же плечи расправила и мило ему улыбнулась.

– Не бешусь. Просто у меня характер плохой и мне скучно.

Он хмыкнул, а я к выходу направилась, намеренно забыв с ним попрощаться. Завьялов не ожидал, что я просто развернусь и уйду, повернулся и теперь смотрел мне вслед. Чего я, в сущности, и добивалась. Чтобы он на меня смотрел. И засмотрелся.

В тот вечер, уехав из «Трёх пескарей», я чувствовала воодушевление, даже улыбалась всю дорогу до дома, всё думала о том, как Завьялов мне вслед смотрел. И мысленно его подначивала, мол, посмотрел, а теперь иди к своей певичке и сравни. Правда, хорошего настроения надолго не хватило, уже через час, оказавшись в тишине своей комнаты, я перепугалась собственных мыслей, не понимая, почему мне вдруг так важно стало его мнение. Я не хотела о нём думать, а всё равно думала! Надо же, никогда не считала себя мнительной и чересчур чувствительной. И не догадывалась, что секс может принести в жизнь женщины такие перемены, нежелательные, я бы сказала.

В итоге, настроение у меня окончательно испортилось,

и последствия не заставили себя долго ждать. Уже на следующее утро я с матерью поругалась. Во-первых, я проспала. Вскочила, поняла, что безбожно опаздываю в институт, одевалась в спешке, а на кухне совсем некстати столкнулась с мужем матери, Вадимом. Он, по всей видимости, тоже только встал и никуда не торопился. Расхаживал по кухне в халате, пил кофе, а на меня, вбежавшую, словно, фурию, посмотрел в лёгком раздражении.

– Что ты суетишься?

– Опаздываю, – ответила я, не желая вдаваться в подробности. С Вадимом мы, если честно не очень тесно общались, настолько не очень тесно, что даже нельзя было сказать, что мы не ладим. Вот с прошлым мужем мамы, Николаем, мы были истинными врагами, а на этого я как-то не обращала внимания, видно, ещё привыкнуть к нему не успела. Он появился в нашем доме около года назад, насколько я знала, нигде не работал, но и на глаза мне особо не лез. Мама говорила, что он поэт и ему нужны тишина и покой, чтобы вдохновение пришло. Я не спорила, хотя для себя сразу решила, что мама нашла очередного лоботряса на папкину шею. Вадим большую часть дня не показывался из спальни, они с матерью там настоящий будуар устроили, купили круглую кровать под балдахином, завалили её шёлковыми подушками, и старались надолго своё гнёздышко не покидать. Может, они вместе там стихи сочиняют? А то я, возможно, на людей зря наговариваю, а они потом – бац, и явят свету гениальную

поэму. Но пока подтверждений этому у меня не было, и к Вадиму я относилась по-прежнему с лёгким пренебрежением. К тому же, мне всегда не нравилось, как он на меня смотрит. Глазки маленькие, масляные, а как рот открывает, так прохиндейкой и лентяйкой по его рассказам я выхожу. – Может, ты в сторонку отойдёшь? – попросила его я, когда он оказался прямо на моём пути. Я торопилась, и, возможно, на самом деле суетилась, но у меня причина была, а вот то, что Вадим топчется посреди кухни, меня вывело из себя. К тому же, моё плохое настроение этим утром, кажется, проснулось раньше меня, и тон у меня вышел несколько резковатым. Я сама это почувствовала, но извиняться, конечно, не стала.

– Я тебе мешаю?

– Вот именно, мешаешь! Я тоже кофе хочу выпить.

– Да? – Он брови вздёрнул, словно я сказала что-то не то. – Ну, что ж, угощайся.

– Спасибо тебе огромное, всю жизнь обязана буду, – пробормотала я. За чашкой потянулась, потом обернулась через плечо, увидела мать, появившуюся в дверях. Она же при виде меня, вроде бы удивилась.

– Ты ещё дома? Кажется, ты ещё час назад должна была уйти.

Я открыла рот, чтобы объяснить, но Вадим сделал это за меня.

– Она проспала, – сообщил он таким тоном, словно я пришла под утро и пьяная.

Я понаблюдала за тем, как моя мать с мужем своим переглянулась и трагично качнула белокурой головой. Я кофе отхлебнула, после чего сделала резкий жест рукой.

– И что всё это значит?

– Вася, ты всегда и всюду опаздываешь.

– Может быть, – согласилась я и совсем невежливо ткнула в Вадима пальцем, – только как его это касается?

Мать сдвинула красивые тонкие брови и строго взглянула на меня.

– Можно попросить тебя сменить тон?

– Нет, нельзя. Я просто хочу выпить кофе и уйти, я что, так много прошу? Я не хочу, чтобы мне читали нотации.

– Так, не кричи! – Мама сама голос повысила, хотя для неё это было в порядке вещей. В нашем доме всегда разговаривали на повышенных тонах, и это считалось проявлением чувств, а не ссорой. – Господи, Вася, что с тобой? День только начинается, а ты уже всем умудрилась испортить настроение!

Я чашку с недопитым кофе на стол поставила, Вадима нетерпимым взглядом одарила и из кухни вышла. Слышала голос матери, но это уже было больше похоже на шёпот, видимо, она любимого поторопилась успокоить. Ведь тот натура чувствительная, и я своим срывом наверняка заставила его разволноваться. И словно в подтверждение моих мыслей, уже через полминуты я услышала голос Вадима:

– Липа, это невозможно. У девчонки ужасный характер,

она слишком избалована.

Я зубы сцепила, очень хотелось на кухню вернуться и высказать этому надутому павлину всё, что я о нём думаю. Но вспомнила про время и решила не тратить свои нервы на этого бездельника. Он-то сейчас в спальню отправится, на подушках возлежать и нервы успокаивать, а мне перед папкой отчитываться, когда он вдруг решит поинтересоваться моими успехами в учёбе. И что я ему тогда, про разборки с Вадимом рассказывать буду? К тому же, если мамин муж случайно «потеряется», она ещё долго будет на меня дуться и сделает мою жизнь невыносимой на много месяцев вперёд. Так что, пусть живёт поэт.

Правда, в своём миролюбивом решении я раскаялась уже этим вечером, когда из института вернулась. Как оказалось, мама нашу утреннюю размолвку не забыла и даже подпитала свою обиду на меня за прошедшие часы, и как только я переступила порог дома, вышла мне навстречу. И разгневанно поинтересовалась:

– Ты почему отключила телефон?

– Я не отключала, он разрядился. А что? Ты меня потеряла?

– Не потеряла. – Кто бы сомневался! – Я пытаюсь дозвониться до тебя уже больше двух часов, и всё бесполезно.

Я туфли сняла, сунула ноги в свои любимые пушистые тапочки, а когда на мать посмотрела, постаралась выглядеть спокойной.

– Ну вот, я вернулась. Что случилось такого страшного, пока меня не было? У Вадима инфаркт, или просто приступом паники всё обошлось?

Мама взглянула на меня с откровенным укором.

– Прекрати, пожалуйста. Вот об этом нам с тобой тоже стоит поговорить. Ты просто убиваешь его своими язвительными замечаниями!

– Мама, да какими замечаниями? Мы с ним почти не встречаемся.

– Ему хватает.

Я усмехнулась.

– Бедный. – Прошла в гостиную и на диван села, вытянула уставшие ноги. Всё-таки зря я согласилась помочь Верке выбрать кафе, в котором свадебный банкет проходить будет. У неё оказался с собой целый список, и мы обошли почти их все. А ещё нас заставляли пробовать угощения, указанные в меню, и вот это меня больше всего расстроило, и поэтому Веркиного воодушевления я не разделяла.

– Вася, мы уезжаем, – сообщила мать, появляясь передо мной.

Я, признаться, удивилась. Немного.

– Что, так сразу? Мам, я же его не била. Правда.

Она заметила мою усмешку и презрительно скривилась.

– Когда тебе только надоедят твои шуточки. Они совсем не смешные.

Я глаза отвела, а мама продолжила:

– Мы уезжаем на два дня, к друзьям Вадима, на дачу. Очень надеюсь, что за это время ты успокоишься и прекратишь трепать всем нервы.

– А я треплю?

– Да, Вася! Ты в последнее время просто неуправляема. Сколько раз я просила Филина не потакать тебе, но нет! Он по-другому просто не умеет!

– Мама, прекрати.

– Не надо мне затыкать рот, – попросила она, и тон на самом деле был напряжённый. Кинула быстрый взгляд за мою спину, и я поняла, что Вадим из их спальни появился, и теперь наверняка будет до последнего наблюдать за тем, как меня отчитывают. – Он делает всё, что ты захочешь, и не понимает, что портит тебя этим.

– Да? А тебя он этим не портит?

Мама якобы непонимающе вздёрнула бровь, а я продолжила, невольно повысив тон.

– Была бы моя воля, я бы уже давно уехала к отцу жить!

– Да? А ты ему там нужна? У него новая жена, и ребёнок новый. Новые игрушки!

– А вот Нику с Ванькой трогать не надо, они и моя семья тоже. – Я с дивана поднялась и, наконец, оглянувшись, посмотрела на Вадима. – Что ты там притаился? Собирался уезжать, вот и скатертью дорожка!

– Липа, ты слышишь?

– Липа слышит! Провожая вас обоих!

– Вася!

Я упёрла руки в бока.

– Я не понимаю, за что ты меня отчитываешь, – решила высказать я свою обиду. – За то, что я утром помешала тебе Вадюше кофе пить и вирши сочинять? Но это и мой дом тоже! Это ты так решила, ты не отпустила меня к отцу жить!

– Он тебе не отец! С какой стати ты будешь у него жить?

– Он мой отец! Он меня воспитал! Не Плетнёв и даже не ты, а он!

– Бандит. И воспитание тебе такое же дал, никакого уважения к матери.

Это Вадим высказался, я к нему повернулась и опасно сверкнула глазами.

– Да? Бандит? Тогда что ты тут делаешь, Вадюша? Снимай штаны и вали из квартиры, которую он оплачивает! Да на тебе даже трусы на его деньги бандитские куплены! Стоит тут... – Я не успела договорить, мама мне такую пощёчину дала, что я осела в кресло и схватила за щеку, которую будто огнём обожгло. У меня даже глаза заслезились.

– Не смей!.. – Мама смотрела на меня с такой злостью и дышала тяжело. Я её впервые такой разозлённой видела, по-настоящему разозлённой, без всякой наигранности и пафоса. Я судорожно втянула в себя воздух, пытаюсь справиться с рыданиями, которые уже встали в горле болезненным комом. – Ты права не имеешь!

– Конечно, – я слёзы вытерла, понимая, что размазываю

макияж, но мне было не до этого, — только ты у нас на всё права имеешь! Мужей менять, как перчатки, и строить из себя вдовствующую королеву. Которую Кирилл Филин содержать обязан! Ты вот когда придёшь в следующий раз в свой любимый косметический салон, ты не представляйся его фамилией, а назови фамилию вот этого... Вадюша, как твоя фамилия?

— Ты злая, испорченная девчонка, — проговорила мама, не спуская с меня глаз.

— Ну и пусть. — Я снова слёзы смахнула и с дивана поднялась. — Не ты портила! — Я из комнаты хотела выйти, даже Вадима плечом толкнула, но потом вернулась. Никак не могла справиться с клокотавшим внутри негодованием. — Ты думаешь, я не знаю, почему ты не отпустила меня к нему жить? Не потому что я тебе здесь нужна, а потому что тогда он не будет давать тебе денег, по крайней мере, столько. Он не будет больше содержать твоих мужей и оплачивать свадьбы. Вот только мне уже восемнадцать, и ты не можешь заставить меня остаться. — Я развела руками и улыбнулась дрожащими губами. — Не можешь!

Я из гостиной вышла и пообещала себе, что не буду прислушиваться к тому, что мне мама в ответ скажет. А я знала, что долго молчать она не будет, так и вышло. Я только дверь спальни успела запереть, на кровать села и голову руками обхватила, а мама уже была за дверью и громко заговорила:

— А ты, значит, к нему собралась переехать? Ну, давай,

обрадуй папочку такой перспективой! А я посмотрю, как он отреагирует! Или ты на самом деле думаешь, что нужна ему в его новой счастливой жизни? Или эта девка, его жена непонятно откуда взявшаяся, тебе обрадуется? Это они только пока привечают тебя, пока ты им жить не мешаешь, а вот явишься к ним с чемоданом, и я посмотрю!..

Я зажала уши руками. А когда слёзы вытирала, на руке увидела кровь. Схватила зеркало, посмотрела на себя и поняла, что мама, когда ударила меня, кольцом по моей губе задела и расцарапала. Только этого не хватало. Я салфетку к губе прижала, но кровь никак не останавливалась, как и слёзы. Мама ещё около получаса бесновалась, но я уже не слушала её. Просто пережидала бурю, и вздохнула с облегчением, когда услышала, что они с Вадимом уже в прихожей, а вскоре входная дверь хлопнула, и всё, наконец, стихло. Но только не у меня внутри. Я разрыдалась, вспоминая слова и предостережения матери, она ещё никогда не говорила так много обидных слов сразу. Всегда старалась о Филине со мной говорить осторожно, слова подбирала, потому что всерьёз опасалась влезть между нами, всё испортить и потерять такой стабильный и надёжный источник дохода.

В сердцах я вскочила с кровати, достала чемодан и начала кидать в него все свои вещи подряд. Из шкафа прямо охапками доставала и складывала в чемодан, руками приминала, чтобы больше влезло, и продолжала обливаться слезами. Прямо истерика какая-то. Потом вспомнила про ключи

от папкиной квартиры, из сумочки своей всё на кровать вывалила, но ключей не нашла. Всю комнату обыскала, но ключи куда-то провалились. В отчаянии я кулаком по чемодану стукнула, стало больно, и я ещё сильнее расплакалась.

Мне понадобилось минут двадцать, чтобы сообразить, у кого могут быть ключи от папкиной квартиры. Слезы вытерла, взяла телефон и отыскала в списке контактов Генкин номер. Буквы перед глазами сливались, приходилось часто моргать, и в итоге я окончательно расклеилась. Но нужно было взять себя в руки и постараться говорить ровно, без всякого надрыва. Нужно только взять у него ключи, вот только как это сделать, чтобы он ничего не понял и не узнал, непонятно. А пока гудки слушала, решила, что чёрт с ним, с Завьяловым, о себе думать надо. Мне нужны ключи от папкиной квартиры! Я не хочу здесь больше оставаться.

А когда услышала его голос в трубке, глубоко вдохнула.

– Мне нужны ключи, пришли их с кем-нибудь, – попросила я, крепко зажмурилась и руку в кулак сжала. Минута – и я повешу трубку.

– А твои где?

– Не знаю, забыла... или потеряла.

– Вась, ты с ума сошла? Как ты могла их потерять? Я только новые тебе сделал!

– Завьялов! – Я заорала, не сдержавшись, испугалась, и тон сбавила, но было уже поздно. Всклипнула и губу прикусила. – Просто привези мне ключи. Немедленно, слышишь?

На другом конце провода воцарилась тишина, затем странные шорохи, и я поняла, что Генка куда-то идёт. А потом совсем другим тоном поинтересовался:

– Что случилось?

– Ничего.

– Ты плачешь, как это ничего?

Из губы, которую я так неловко прикусила, снова пошла кровь.

– Я хочу уехать к папке, вот и всё. Прямо сейчас. У тебя же есть ключи...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.